

A person wearing a bright red coat and a matching hat stands on a dark, textured surface, possibly a hillside or a field. The person is illuminated from the side, creating a strong contrast with the dark background. The sky above is a deep, dark blue, dotted with stars. A single, bright star is visible in the upper right quadrant. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Ия Котова

КОМАНДИРОВКА

Ия Котова

Командировка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69979999

SelfPub; 2023

Аннотация

Возможность съездить в дальнюю командировку иногда может показаться лучшим выходом из навалившихся проблем. Тем более, что отправиться туда предлагает известный антиквар – владелец необычной старинной открытки. Главный герой – молодой человек Константин обладает незаурядной памятью. Однажды на его способности обратил внимание антиквар, поручивший ему доставку фамильной реликвии в одну из азиатских стран. Правда, есть некоторые настораживающие обстоятельства. Например такое: за простую курьерскую работу антиквар обещает заплатить подозрительно высокую цену. Кроме того, неизвестные люди открывают настоящую охоту на героя, не оставляя ему другого выбора, кроме отъезда. На всем пути героя подстерегают опасности. Страх, тревога и ужас становятся его постоянными спутниками. Побороть их помогает желание достичь цели и помощь новых друзей. Если Вы замираете при звуке шагов в пустой комнате или внимательно всматриваетесь в силуэт незнакомца, заглядывающего в Ваше окно, – эта книга для Вас.

Содержание

Часть первая	4
Тени степных шакалов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Ия Котова
Командировка

Часть первая

Тени степных шакалов

Глава 1

Автобус остановился на импровизированной стоянке, на которой в беспорядке разместились еще 4-5 таких же допотопных табакерок на колесах. Стоянка представляла из себя просто более широкую часть обочины, на которой, в отличие от окружающего степного холмистого пространства, не было жухлой травы.

Ни один из автобусов дальше ехать не собирался: все возвращались назад. До дачного поселка оставалось еще около пяти километров. Дойти пешком можно было за час, а если сократить путь и идти не по дороге, а напрямик по степи, то и того меньше. Я выбрал более короткий путь и направился в сторону степи.

Время перевалило далеко за полдень, и солнце палило уже не так яростно. Метров пятьсот пришлось идти по обочине насыпной грунтовой дороги. Изредка мимо проезжали легковые выдавшие виды машины. Никто из водителей не притормозил в ответ на жест поднятой руки.

Я спустился с насыпи и пошел через холм по сухой траве,

срезая угол намеченного маршрута.

Вблизи степная растительность не казалась такой уж безжизненной. Сквозь сухую траву пробивались листики клевера, мелкие цветочки мать-и-мачехи, плавно стелились под горячим ветерком перламутровые прозрачные стебли ковыля. После гудения моторов не сразу стал слышен стрекот кузнечиков, наполнивших бескрайнее пространство нескончаемым шумом. Потом стала различима тонкая трель жаворонка. Возникло давно забытое ощущение покоя и свободы.

Вдруг раздался пронзительный писк, и из-под моих ног метнулся комочек. Я наступил на дремлющего суслика. Зверек бросился в сторону. Через десяток метров остановился, стал на задние лапки и замер. Я достал из рюкзака кусочек засохшего сыра и положил его на землю. Суслик внимательно наблюдал за происходящим. Оставив сыр суслику в компенсацию за причиненное беспокойство, я двинулся дальше по холму.

Чуть в стороне возникли очертания какой-то постройки, напоминающей по силуэту небольшую мечеть. Минуту подумав о том: стоит ли тратить время на ее осмотр, я все же направился к зданию.

Эта постройка, действительно, раньше была небольшой мечетью. Окон не было, краска на когда-то покрашенных изнутри стенах, облупилась, часть оконных и дверных проемов была забита потрескавшимися листами фанеры и дсп. Над квадратным залом возвышался изрядно пострадавший

от времени и вандалов купол.

Рядом с мечетью не было ни других зданий, ни тропинок: видимо, жители этой местности давно забыли о ее существовании и позволили медленно разрушаться.

Я осматривал материал кирпичной сырцово́й кладки, скрытой за покрашенным темно-зеленой краской листом двп, когда в привычный уже природный звуковой коктейль примешался шум, заставивший меня тревожно замереть. Это был звук приглушенных мужских голосов:

– Он не мог никуда уйти – произнес фальцетом первый мужчина.

Ответа второго я не расслышал из-за оголтелого стрекота кузнечиков и изменившегося направления легкого ветерка, который донес до меня этот диалог. По невнятным звукам я догадался, что тот приказал своему напарнику молчать.

– Откуда появились эти люди? Как я мог их не заметить? Может, они ждали меня здесь? А может быть, ко мне эти люди не имеют никакого отношения, и я зря волнуюсь?– пронеслось в моей голове.

Я пошел несколько шагов вдоль скрывающей меня стены. Через маленькие отверстия фанерных заплаток лились тонкие струйки солнечного света. Я подошел к одному из отверстий и заглянул в него.

С противоположной стороны вдоль наружной стены крадучись пробирались двое. Их головы хорошо вырисовывались в пустом оконном проеме. Перед лицом одного из пре-

следователей маячил короткий ствол обреза. Я узнал их, это были те двое, которые настойчиво предлагали мне ночевку в Сары-Октане. Совпадений быть не могло: они следовали именно за мной. Подошли же они со стороны холма, который мне только предстояло преодолеть. Если бы меня не задержал суслик, то при подъеме на холмы мы бы увидели друг друга. Думаю, что эта встреча ознаменовала бы окончание моего путешествия.

Мысленно возблагодарив суслика, я огляделся в надежде найти хоть какое-то укрытие. Но внутреннее пространство мечети предлагало лишь кучи осыпавшегося кирпича и несколько невысоких фрагментов бывших перегородок. Спрятаться за одной из них можно было лишь на непродолжительное время. Однократного ее обхода мужчинами было бы достаточно, чтобы обнаружить мое укрытие.

К счастью, двое преследователей не догадались разделиться и пойти с обыском вокруг здания в разные стороны навстречу друг другу. Они продолжали медленно пробираться вместе вдоль наружных стен, поглядывая внутрь через проломы в стенах.

Дождавшись когда они подошли к стене, закрытой большим фанерным листом, я бесшумно двумя прыжками переместился ближе к центру, к остаткам какого-то пилона. Я надеялся какое-то время прятаться за ним, перемещаясь по кругу вслед за движением опасной парочки. В воображении возник часовой циферблат: я находился в его центре, скры-

ваясь за пилоном, а парочка следовала по движению часовой стрелки.

Даже с учетом их медленного продвижения этот план мог работать не более 2-3 минут. Войдя внутрь здания, они быстро обнаружат меня.

О том, в каком месте наружной стены находятся преследователи, я мог догадываться по прерыванию солнечных лучиков, льющихся через отверстия в стенах. Через минуту они перейдут с западной стороны на северную, и солнце уже не сможет служить мне ориентиром. Прижавшись спиной к кирпичной кладке, я сделал шаг в сторону, чтобы пилон продолжал находиться между нами, и еле удержался на месте. Моя нога зависла над пустотой.

Мужчины уже шли по северной стороне, скоро они завершат обход, войдут внутрь, и я в их руках! Выбор был очевиден, вернее, отсутствовал вовсе.

Я разгреб ногой известковую крошку. Под ней была полустлевшая доска, через труху которой и провалилась моя нога. С усилием приподняв уцелевший край доски, я увидел под ней полужасыпанную яму. Не раздумывая, я тихо отодвинул доску от пилона и скользнул вниз. Яма оказалась глубже, чем я предполагал, я сполз по ее стене, цепляясь за шероховатую поверхность, стараясь не создавать ненужного шума. Я догадался, что нахожусь в старом мусульманском погребении. А это значит, что выхода из него нет, и что это – лучшая ловушка, в которую я добровольно угодил.

Несмотря на мою осторожность и оглушительный стрекот кузнечиков, преследующие меня головорезы все же услышали шум и уже не таясь бросились внутрь здания. К счастью, вбежали они с противоположной относительно пилона стороны. До того, как меня обнаружат оставалось не больше минуты.

Я стоял во весь рост, прижавшись к стене ямы. Руки инстинктивно шарили по ее выступам в поисках хоть какого-то оружия. Подошел бы любой камень. Рука наткнулась на выступающий кирпич, а потом погрузилась в пустоту: в нижней части стены ямы было еще какое-то углубление.

– Подземный ход! – мелькнула радостная мысль.

Но, увы, это была лишь довольно большая ниша, закрытая со стороны ямы полуразрушенной кирпичной кладкой.

Я вспомнил, что по мусульманской традиции покойника помещают в специальный отсек, вырытый внутри могилы. Когда-то в детстве мой сосед древний дед по имени или прозвищу Халик говорил, что называется такой отсек, кажется, «ляхдт». Спустя мгновение я лежал в этом отсеке, лихорадочно накладывая осыпавшиеся кирпичи на перегородку.

Глава 2

На осуществление всех моих ухищрений ушло не более минуты. Это были действия не разумного сильного двадцатидвухлетнего мужчины, а инстинктивные конвульсии за-

гнанной в ловушку зверушки.

За это время преследователи обошли всю мечеть. Они уже не таились. Слышались звуки ударов по ветхим перегородкам, грохот падающих кирпичей, треск отрываемых фанерных заплат. Вскоре они приблизились к моему убежищу. К счастью, в мечети они находились недолго, их глаза не успели адаптироваться к полумраку после ослепительного уличного солнца. Поэтому, подойдя к пилону, они не сразу заметили щель между ним и уцелевшей доской, в которую я сполз. Но зато они сразу увидели мой рюкзак, который я оставил у стены, бросившись с спасительному пилону!

– Смотри, что это там у стены? – по голосу я узнал маленького крепыша.

– Да это же его вещи, значит и он где-то неподалеку, – ответил рыжий и направился к рюкзаку.

И тут произошло то, что заставило меня окончательно убедиться в грядущем печальном завершении моего путешествия. Рыжий наступил на одну из подгнивших досок, закрывающих яму. Доска даже не треснула, она просто развалилась, и тяжелое тело рухнуло неподалеку от меня. Нас разделяла почти разрушенная кирпичная кладка, сквозь которую мне было видно, как рыжий, барахтаясь в клубках пыли и чертыхаясь, пытается встать на ноги. К яме подбежал его напарник с обрезом и, прежде чем помочь ему выбраться, сказал:

– Ты посмотри получше, может этот дрыщ прячется в этой

яме?

Из-за пыли и обрушившихся кусочков досок, присыпавших кирпичи, он не мог меня видеть. Но даже при поверхностном и не очень тщательном осмотре ямы, мое убежище было бы сразу раскрыто.

– Ты думаешь, что мне хочется копаться в этом дерьме? – спросил рыжий. Сейчас мы проверим другим способом.

С помощью «качка» он выбрался из ямы, взял из его рук обрез. Направив ствол вертикально вниз, выстрелил в яму. Затем, перезаряжая оружие, выстрелил еще 4 раза. Пули просвистели совсем рядом и ушли в дно ямы, если бы не ниша в стене, они достигли бы своей цели. Бандиты прислушались.

– Зря теряем время, – сказал рыжий, – он слинял, пока мы здесь ноги ломаем.

– Берем его мешок и отчаливаем. Далеко не уйдет: в Карагаче его все равно встре... – окончание фразы утонуло в каком-то булькающем хрипе.

Наверху что-то происходило. Топот, возня, возгласы моих преследователей продолжались несколько минут. Потом наступила тишина.

Я лежал, боясь пошевелиться. Боль в спине вернула меня к действительности: что-то острое колело между лопаток. Пошарив рукой за спиной, я вытащил осколок кости. Только сейчас ко мне начала возвращаться способность думать и чувствовать. Понадобились некоторые усилия, чтобы про-

вести самый примитивный анализ ситуации:

– Я нахожусь в древней могиле, лежу на чужих костях, которые могут хранить неведомые вирусы и бактерии, – это был первый оптимистический вывод. Оптимизм заключался в том, что опасение заражения предполагало, что я все же выберусь из этой переделки, а только потом заболею.

– Мои преследователи почему-то решили уйти, – этот второй вывод требовал подтверждения.

Я пытался хоть что-то рассмотреть сквозь отверстия в кирпичной кладке, но было темно, и еле видна была лишь противоположная стена ямы. Было тихо, даже стрекот кузнечиков остался где-то далеко. Вылезать из укрытия было страшно. Трудно сказать: сколько времени я провел, прислушиваясь к посторонним звукам. Постепенно темнело, сумрак сменила полная тьма, потом зажегся фонарь луны и осветил часть моего укрытия.

Я стал медленно разбирать кладку перед нишей, приютившей меня, распрямил затекшие ноги и осторожно вылез. Было поразительно тихо. Я еще часа полтора не осмеливался выбраться из ямы. Нельзя было исключать, что мои преследователи просто решили поспать.

Яркий свет луны померк, начинался рассвет. Выбраться из ямы оказалось не так уж трудно: рыжий, падая, обрушил старые доски, которые послужили мне импровизированной лестницей.

Я огляделся. В помещении мечети никого не было. Самым

удивительным было то, что мой рюкзак целехонький лежал на прежнем месте. Не стоило долго раздумывать над причиной этого странного события, надо было скорее уходить отсюда.

Очень хотелось пить. Я достал фляжку, выпил воды, не мог удержаться, чтобы не помыть лицо и руки и переодеть майку и шорты. Чудился запах тлена, хотя за прошедшие века все запахи могилы давно выветрились.

Я уже начал застегивать рюкзак, когда новая мысль заставила меня похолодеть. Перед дорогой я положил в правый карман рюкзака тот самый ценный предмет, который я должен был доставить местному человеку. Сейчас правый карман рюкзака был пуст! Коробочки, ради которой я и отправился в это путешествие, не было. Вернее, раскрытая и пустая она валялась неподалеку. Содержимое коробки для меня оставалось тайной. Тот, кто дал мне курьерское поручение, не посчитал нужным показать его мне. Он лишь сказал, что это – раритет, семейная реликвия.

Смысл моего путешествия исчез. Я не получу обещанных за доставку денег. Скорее всего придется компенсировать и стоимость самой вещи. Думаю, что стоит она немало, раз Артур Борисович окружил такой тайной ее транспортировку, даже дяде приказал ничего не говорить. Видимо, эти двое охотились за мной из-за этого раритета в коробочке.

Идти дальше по указанному маршруту смысла не имело: передавать мне было нечего. Но оставаться здесь смысла бы-

ло еще меньше. Надев рюкзак, я обогнул спасший меня пилон и направился к выходу.

И тут ужас, который я пережил сегодня, вернулся ко мне, только многократно усиленный! Широкий дверной проем загромождали две фигуры. Это были мои враги, только как-бы возвышающиеся над землей. Их тела казались громадными: даже коротышка черной тучей нависал надо мной!

– Сейчас последует кара за то, что я нарушил покой погребенного! – подумал я в мистическом трепете.

Мы стояли напротив друг друга, напоминая участников детской игры «замри». Бежать не имело смысла: после многочасового лежания мои ноги пронизывали тысячи иголок. Я решил бороться до последнего, наклонился за куском кирпича и взглянул прямо в лицо рыжему.

Еще одна волна ужаса накатила на меня. Глаза рыжего были неестественно выпучены, из открытого рта вываливался язык. Внимательнее присмотревшись, я увидел, что шеи преследователей охватывали толстые веревки, привязанные за балку над дверью! Кто-то неизвестный расправился с моими врагами.

– Но кто же этот неизвестный и не угрожает ли он мне? – этот вопрос заставил меня очнуться от оцепенения.

Я невольно попятился назад и уперся во что-то мягкое. Боясь оглянуться, я уже знал, что за моей спиной стоит тот, кто приговорил к смерти этих двоих. Сейчас он и на мою шею накинёт удавку.

Я ждал, но никаких действий со стороны неизвестного не последовало. Тогда я медленно обернулся к нему.

Глава 3

Передо мной стоял человек огромного роста и комплекции. Трудно было определить его расовую принадлежность: он мог быть как европейцем, так и азиатом. Широкое лицо с глубоко посаженными глазами, крупный приплюснутый нос, тяжелая нижняя челюсть – все это не имело четких форм. Как будто эта голова была вылеплена из таявшего на солнце пластилина. Все это я успел рассмотреть до того, как он одной рукой схватил меня за рюкзак и приподнял над землей. Мне показалось, что в этот момент его губы исказило что-то наподобие улыбки.

Его жест, похоже, имел лишь одну цель: продемонстрировать передо мной свою силу.

Поставив меня перед собой, чудовище молча достало из своих лохмотьев какой-то предмет. Это была замкнутая в круг довольно толстая ржавая цепочка с висящим на нем предметом, напоминающем старинную монету. Великан расправил спутавшиеся звенья и с усилием натянул этот кулон мне на шею.

– Это последние минуты моей жизни, – подумал я, – сейчас он потянет назад эту цепь и задушит меня, как задушил тех двоих.

Но великан неожиданно отошел в сторону, уселся на пол, достал из какого-то кисета какую-то сушеную траву и начал ее жевать. Затем преспокойно улегся на пол и закрыл глаза.

Забыв о том, что мои ватные ноги только что не слушались меня, я схватил рюкзак, в несколько прыжков преодолел расстояние до ближайшего оконного проема, перескочил через подоконник и бросился бежать.

Кажется, преследовать меня никто не собирался.

Через несколько сотен метров я заставил себя остановиться и обдумать план дальнейших действий. В единственное место, где я надеялся скрыться – Карагач, мне идти было нельзя: бандиты говорили, что меня там будут ждать их люди. Привести бандитов туда, куда я был командирован – к приятелю Артура Борисовича, я не мог. Надо сначала убедиться, что я надежно оторвался от преследователей. Продолжать идти в одиночку по степи – не лучшее решение. Здесь, без свидетелей, со мной легко расправятся незнакомые мне недоброжелатели. Как говорил один мой умный приятель:

– Зерно легче всего спрятать в куче других зерен.

Надо идти в большой город, где человек европейской внешности не будет привлекать к себе внимание. Уже наступило утро, начали ездить машины, еле слышный звук которых указывал на местонахождение шоссе. Я направился в сторону этого шума.

Хотелось есть, еще больше хотелось пить: почти всю во-

ду я истратил в мечети, на дне фляжки оставалось совсем немного. Надеяться встретить колодец в этой холмистой степи не приходилось. Также не приходилось рассчитывать на помощь яндекс-карты: интернет здесь не работал. Придется ориентироваться по солнцу и следовать за звуком дороги, который периодически исчезал.

Вдали в ложбине между холмами я заметил большое стадо овец. Значит, рядом должны быть пастухи. Возможно, у них удасться раздобыть воды. О еде я и не мечтал: наличных денег не было ни в какой валюте, оставшиеся деньги мертвым грузом лежали на бесполезной в этих краях карте.

Я уже стал спускаться вниз, когда услышал громкий лай: навстречу мне мчались 3 огромных собаки. Я знал, что собаки-пастухи не нападают на людей, но воображение рисовало момент их кровожадного столкновения со мной. Еще немного и я кажусь распластанным на земле, терзаемый этими четвероногими хищниками!

Из-за моей спины раздался окрик, услышав который, собаки мгновенно остановились, а потом затрусили обратно к стаду. Обернувшись, я увидел несущегося на меня всадника. Из под копыт невысокого коренастого коня вздымались фонтанчики пыли. Приблизившись ко мне метра на три, всадник осадил коня.

– Здравствуйте! Не подходите близко к стаду, – сказал он на одном из тюркских наречий. Голос был высокий и тонкий даже для такого худенького юного паренька.

– Мир тебе, хозяин,– ответил я на его языке, радуясь, что моих языковых познаний хватает хоть для первого шага к дружественным контактам.

Юноша еще что-то спросил, но я растерянно улыбнулся и развел руки в знак того, что я ничего не понял. Тогда всадник спросил по русски:

– Ты заблудился, куда направляешься?

Ответить я не успел. Из-за холма вылетел еще один всадник и, размахивая плетью, что-то сердито стал кричать юноше. Его грузное тело как бы являлось продолжением такой же приземистой толстоногой лошади. Несмотря на жару, на голове мужчины красовался меховой малахай. Из-за голенища мягкого кожаного сапога выглядывала оплетенная кожей рукоятка ножа.

Подъехав к нам, он внимательно посмотрел на меня узкими черными глазами и не столько спросил, сколько утвердительно сказал:

– Ты пришел оттуда, где вчера стреляли.

Под его острым взглядом я не мог соврать и утвердительно кивнул. Он продолжал молча смотреть на меня с высоты конского седла. Чтобы видеть его лицо мне приходилось высоко задирать голову.

– Не найдется ли у вас немного воды? – спросил я, прерывая затянувшееся молчание.

Он не ответил. Юноша что-то стал ему быстро говорить. По тону можно было догадаться, что он пытался в чем-то

убедить старшего, который продолжал молчать. Затем босс (так я про себя назвал второго всадника) что-то сказал первому и поскакал в низину к стаду.

– Отец приглашает тебя погостить у нас, – произнес юноша, – спускайся к стаду, чабаны проводят тебя.

Он слегка с обеих сторон стукнул коня ногами, обутыми в сапоги из необыкновенно мягкой замши, и помчался в обратную сторону.

До сих пор я думал, что именно эти двое всадников и пасут овец, оглядел окрестности вокруг стада в надежде найти чабанов. Тщетно, пастухов видно не было. Пришла мысль о том, что приглашение – один из вариантов азиатского юмора и меня никто всерьез не приглашал.

Все же я не оставлял надежды раздобыть воды и подкрепиться и стал спускаться в ложбину. Наконец среди овец я увидел две неподвижно стоящие поодаль друг от друга фигуры – это и были пастухи. Позже я узнал, что чабанам нет нужды ходить вокруг стада: овцы всегда группируются вокруг стоящего пастуха, стоит ему только сесть, как стадо разбредается в разные стороны.

Ближний ко мне чабан стоял, опершись подбородком о длинную сучковатую палку с загнутым концом, отшлифованным ладонями и многолетним использованием до зеркального блеска. Это был еще не старый сухощавый мужчина, точный его возраст определить было трудно: ему могло быть и 30, и 50 лет. Фигура была жилистой и крепкой, но

глубокие складки у рта и какой-то тусклый взгляд старили его.

Приблизившись к нему и поздоровавшись, я попытался ему объяснить, что хозяин пригласил меня и он должен быть моим проводником. Но чабан, кажется, не слушал меня, он молча уставился на меня ничего не выражающим взглядом. Через минуту он повернулся ко мне спиной и направился в сторону дальнего холма.

Дальнейшее меня очень удивило. Часть овец со всех концов огромного стада стала стекаться вместе и направилась за идущим пастухом! Другая часть осталась мирно пастись: они явно были подопечными второго чабана. Я сделал вывод, что овцы знали своего пастуха и подчинялись именно ему. Этот заставило в очередной раз усомниться в исключительной монополии человека в интеллектуальной сфере. Во всяком случае, в области наших общественных структур есть явное сходство.

Я также отправился за чабаном, который шел мерным неспешным шагом. И как в момент начала путешествия по этой степи, снова я погрузился в состояние спокойного равновесия, сходного с медитацией. За все время пути чабан не проронил ни слова.

Глава 4

Мы поднялись на очередной невысокий холм, внизу я уви-

дел две юрты и большой загон для овец. Деловито сновало несколько мужчин. К перекладине загона рядом с ближней к нам юрте была привязана лошадь, рядом стоял тот самый юноша, который спас меня от собак. Чабан рукой указал мне на эту юрту, я оставил компанию овец и направился к ней.

Подойдя поближе, я громко произнес известное мне приветствие, не обращаясь ни к кому конкретно.

Пожилая женщина, сидящая рядом с огромным кипящим котлом, кивнула в ответ.

От аппетитного аромата готовящейся в котле мясной похлебки у меня закружилась голова. Юноша вышел из-за крупа лошади и направился ко мне:

– Пойдем, отец ждет тебя.

Я удивился: не думал, что начальник всего этого хозяйства удостоит меня личной аудиенции. Я пошел вслед за моим проводником к крайней юрте. Откинув войлочный полог, мы вошли внутрь.

Я и раньше во время экспедиций бывал в юртах. Меня не удивили относительная прохлада, крупные узоры войлочных ковров, подушки, лежащие на полу, слабый запах кислого молока. Удивило другое: почти четверть пространства юрты занимал большой резной средневековый шкаф или комод! Мне уже приходилось встречаться с такими вещами. Это была целая инженерная конструкция с хитрыми приспособлениями для различных нужд и причуд средневековых чудаков. Один из таких шкафов был оборудован под домашнюю

цирюльню: в нем обсыпали голову в парике пудрой. Другой шкаф выполнял роль своеобразной дезинфекционной камеры: здесь с помощью благовоний выкуривали паразитов с тела его богатого владельца. Третий был хранилищем ядов. Редкая вещь, каким-то чудом оказавшаяся в таком неподходящем для нее месте! Никогда раньше я не видел, чтобы ковчегники таскали за собой такие громоздкие вещи, не являющиеся предметами первой необходимости.

Хозяин полулежал на низкой скамейке напротив входа, опираясь на подушку. Рядом сидели еще трое мужчин: одного из них я только что видел во дворе. Передним каждым из них стояла пиала с горячим чаем, в котором быстро таял кусочек масла.

Я повторил знакомое мне приветствие.

– Хозяин (я его сразу про себя стал называть «босс») в ответ произнес какую-то длинную фразу.

Я догадался, что это означает что-то типа:

– Гость в доме – к радости.

– Как тебя зовут? – спросил затем босс по-русски без малейшего акцента.

Он налил чай на дно пиалы и протянул мне.

Вошел уже знакомый мне молодой человек, разувшись перед порогом юрты, снял замшевую жилетку, войлочную островерхую шапочку. и вниз упали две толстые косы, достающие до пояса.

Надо было погрузиться в такую круговерть событий, что-

бы разучиться видеть очевидное! Передо мной стояла хрупкая стройная девушка с тонкими чертами лица, нежной смуглой кожей.

Увидев выражение моего лица, босс громко рассмеялся: – Ты, наверное думаешь, что увидел джина? Нет, это всего лишь – моя дочь Карлыгаш, -в его взгляде на девушку читалась нескрываемая нежность.

Карлыгаш села с нами за низенький столик, взяла поданную отцом пиалу. Чай пили молча. Странно, что вместе с жаждой уходил и голод. Я исподтишка наблюдал за девушкой. Она вела себя сдержано и одновременно непринужденно. Чувствовалось, что она привыкла ко всеобщему вниманию. Она разливала чай и чувствовала себя хозяйкой застолья, периодически предлагая нам румяные жареные шарики из теста – бурсаки. Я боялся показаться неучтивым и съел всего лишь 2 этих вкусных маленьких пончика. Один из мужчин потянулся было к лакомству, но Карлыгаш как бы случайно отодвинула блюдо в мою сторону, и мужчина отдернул руку. В его лице промелькнуло что-то вроде испуга.

В другое время этот эпизод озадачил бы меня, и я бы уделил ему должное внимание. Но напряжение последних суток сделало меня менее внимательным.

Потом вошла женщина – та, что готовила еду у костра, и принесла дымящуюся горячую шурпу. Приятное тепло разливалось по моему телу. Такого удовольствия я не испытывал даже от самых удачных дядюшкиных обедов.

Во время обеда мужчины вели беседу. Правда, каждая фраза чередовалась с длинной паузой. Но это давало мне возможность хоть немного уловить суть разговора.

Один из них: тот, что постарше, был озабочен тем, что какие-то люди в городе мешают им работать, вымогают деньги.

– Мы никогда не сдаем плохой товар, – говорил первый, – а они сказали, что сделают так, что никто у нас ее принимать не будет по цене выше третьего сорта.

Другой – помоложе и потолще, говорил о том, что у него есть какая-то возможность умерить аппетиты вымогателей. Я понял, что речь идет о чем-то вроде шантажа.

Мне была интересна тема разговора, но плохое знание языка не позволяло мне его поддерживать. Хозяин явно не хотел вовлекать меня в этот разговор и начал расспрашивать меня.

– Откуда у тебя это? – он указал на мою шею.

Только сейчас я вспомнил о цепочке, которую нацепил на меня страшный человек в мечети. Я рассказал о том, что произошло со мной, не говоря о причине моих мытарств.

Все время моего рассказа босс задумчиво стучал пальцами по столику.

– Я знаю что это, – сказала девушка, указывая на кулон, – С ним связана давняя история, и начинается она задолго до нашего рождения и даже до рождения наших прадедов.

Рассказ ее был полон символов и аллегорий, трудно воспроизводимых оборотов, поэтому я пересажу его своими

словами.

Глава 5

В каждом краю есть собственная поэтичная и трагическая история. В этих местах героиней такой истории стала девушка Гюльжан. Случилась это, как я понял, в годы революции, которая еще не скоро докатилась до этих краев.

Гюльжан была единственной дочерью богатого бая, который владел всем в этих местах. Мать Гюльжан – обожаемая жена бая, умерла при родах. Всю свою любовь к жене бай перенес на девочку. Его дочь – была единственной слабостью этого волевого и сурового человека.

Девочка с раннего детства была рядом с отцом: он брал ее с собой в поездки в город, разрешал присутствовать при обсуждении хозяйственных вопросов. Были наняты учителя для обучения ребенка различным наукам. Такое воспитание дало свои плоды. Уже в подростковом возрасте Гюльжан всех поражала здравостью суждений при решении различных практических проблем. Но был и другой результат: с расширением кругозора своенравный характер Гюльжан еще более укрепился и проявлялся даже в мелочах.

Девочка подрастала и становилось очевидно, что кроме острого ума и независимого нрава, она имела все задатки редкой красавицы.

Когда Гюльжан исполнилось 16 лет, отец стал присматри-

вать для нее жениха. Хороших парней было много, в том числе и богатых, и знатных. Выбор остановился на сыне Темирбая – лучшем наезднике и лучнике. К тому же, отцы имели общие стада, и этот брак только удвоил бы их имущество. Первоначально Гюльжан не возражала против этого выбора. Но тут в их краях появился чужестранец, который приехал в эти места из большой столицы. Он был богат и имел какие-то дела с самыми знатными людьми края, среди которых был и отец Гюльжан. Чужеземец даже доверил отцу Гюльжан стеречь свои сокровища, которые он собирался вывезти из страны, в которой разгоралось пламя революции.

Чужестранец был молод и хорош собой, он также не мог остаться равнодушным к чарам красавицы. Он начал ухаживать за Гюльжан так, как не умели этого делать местные парни.

В степи утаить ничего не возможно. Слухи о встречах молодых людей достигли ушей отца. Он пытался уговорить дочь отказаться от чужестранца, но упрямство Гюльжан, казалось, только крепнет с каждой фразой отца: она была непреклонна. Чтобы не допускать дальнейших свиданий отец приставил к дочери охранника и собирался отправить ее куда-то очень далеко к родственникам, пока она не выбросит из головы эту блажь.

Охранник надежным и сильным человеком, он следил за каждым шагом Гюльжан. Но и он был влюблен в Гюльжан, а девушка привыкла добиваться своего. Однажды она подо-

шла к нему, подарила амулет, позвала к чаю, в который подсыпала сонного зелья. Дождавшись когда охранник уснет, она под покровом ночи вышла из юрты. Когда она выводила своего коня из загона тот заржал. Чуткое ухо отца уловило этот звук, он откинул полог юрты, успел подбежать к дочери до того, как она прыгнула в седло.

Гюльжан, ни секунды не раздумывая, вонзила нож в грудь отца, вскочила в седло и помчалась к любимому.

Но до большого аула она не доехала – просто пропала по дороге.

Ее искали всем жузом, и вскоре нашли ее растерзанное тело далеко от дороги к аулу, там, где сейчас стоят руины мечети. Сначала думали, что на нее напали и утащили в степь волки. Но аккуратно лежащий поверх тела амулет вызывал вопросы. Это был тот самый амулет, который Гюльжан подарила охраннику. Люди стали говорить, что это слуги шайтана разделались с ней.

В этом месте рассказа мне пришла мысль, что, возможно, это все устроил сам чужестранец: зачем ему в Европе была нужна необразованная жена азиатка?

Уснувшего охранника в наказание за ротозейство казнили: привязали к седлу лошади веревку, другой конец которой обвивал его шею, и пустили лошадь галопом.

Гюльжан была погребена на месте гибели, на ее могиле во искупление ее грехов несостоявшимся свекром Темирбаем был построен большой мазар, руины которого я принял за

руины мечети. Это место считается проклятым и люди обходят его стороной.

Говорят, что тогда же пропали и сокровища чужеземца, которые были на хранении у отца Гюльжан.

– Человек, который тебя спас в мазаре, – продолжала Карлыгаш, – считает себя потомком охранника бая и одержим идеей мести чужакам, забредающим в ниши края.

– Почему же он не тронул меня, ведь я тоже чужак и еще осквернил могилу, забравшись в самую ее святыню? Да и еще напялил на меня этот кулон? – спросил я.

– Этот кулон по описаниям очень похож на амулет Гюльжан, который она подарила охраннику, – сказала Карлыгаш.

– А это значит, что этот маньяк увидел в тебе воплощение своего предка, оставшегося верным Гюльжан. Тем более, что ты провел с ней ночь, пусть даже на ее костях, – добавил босс. Он только что вернулся в юрту. Все время рассказа он беседовал с кум-то на улице.

– Что же теперь мне с этим украшением делать, здесь хитрая застежка, я не могу его снять? – еле выговорил я, пытаюсь стянуть с себя ржавую цепь.

– Я тебе не советую снимать это. Раз он надел его тебе на шею, то считает тебя мужем Гюльжан – воплощением охранника. В любом случае если ты еще встретишься с ним, то спасти тебя сможет только это подарок! – сказал босс.

Я замер от неожиданности:

– Если я – муж Гюльжан, то логично предположить, что

он снова меня отправит к ней могилу? – только и смог произнести я.

– Никому не дано знать свою судьбу, – сказал старший мужчина загадочную фразу, – а сейчас выпей чай.

Я отогнал от себя тревожные мысли. Сейчас у меня есть вкусная еда, теплый гостеприимный кров, рядом находятся хорошие люди. Не стоит думать о плохом, оно само найдет нас.

Увидев мое помрачневшее лицо, босс сказал:

– Давай-ка сегодня отправимся спать, а завтра ...

Окончания фразы я не расслышал, не успев добраться до постели, рухнул на пол юрты.

Глава 6

Сознание возвращалось медленно. Я ощутил сильную головную боль, как после тяжелого похмелья. С трудом открыв глаза я увидел, что нахожусь в каком-то темном углу среди свернутых войлочных ковров и скрученных в мотки веревок. Было темно, только сквозь редкие щели между рулонами пробивался слабый свет. Я встал на четвереньки, раздвинул 2 ковра и заглянул в образовавшееся свободное пространство. Была видна часть интерьера юрты, низкая скамейка, и я понял, что нахожусь в той самой юрте, в которой провел вечер.

Первой мыслью было отодвинуть вертикально стоящие рулоны и выбраться. Было понятно, что здесь меня специ-

ально то ли спрятали, то ли заперли. Я попытался собраться с мыслями, но никаких версий происходящего не было мой мозг предложить не мог. Видимо, в выпитом мною напоследок чае было что-то подмешано, что не только отключило меня на всю ночь, но и не позволяло сейчас ясно мыслить.

Было тихо, не было слышно ни блеяния овец, ни ржания коней, ни человеческих голосов. Я мог бы легко разбросать ковры и выбраться, но осторожность не позволила мне сделать это немедленно.

Вокруг лежали какие-то мягкие вещи. С удивлением я нащупал знакомый объемный предмет: это был мой рюкзак. Я положил рюкзак под голову, улегся на спину, согнув ноги и попытался создать хоть какую-то систему в своих обрывочных мыслях.

Зачем меня завалили этими кошмами? Если бы меня хотели убить, то уже давно бы это сделали. Достаточно было подсыпать в чай не снотворное, а что-то более опасное. Или могли задушить меня, когда я был без сознания. Этого сделано не было. Значит в отношении меня существуют другие планы.

Дышать становилось все труднее: запах овчины вперемешку с тягучим запахом кислого молока, казалось, проникал в мои легкие в виде плотной тяжелой массы.

По-прежнему было тихо. Бездействие и неизвестность становилось невыносимым. Я напоминал себе забившегося в щель таракана.

Стараясь не шуметь, я стал выбираться из мягкого душевного плена. Это не составило особого труда: надо было только отодвинуть 3-4 больших войлочных ковра и отбросить несколько больших мягких мотков плетеной веревки.

На всякий случай я на четвереньках стал тихо пробираться к выходу вдоль стен юрты. Немного приоткрыв полог, я выглянул в образовавшуюся щелочку. Снаружи было пусто: ни людей, ни животных. Я встал на ноги и крадучись вышел наружу. Никого!

Уже не таясь, я прошел вокруг юрты, вдоль пустого загона. И только тут я заметил отсутствие второй юрты! Не было также самодельного очага, на котором вчера варился обед. Поодаль как-то криво стоял мотоцикл с коляской.

Создавалось впечатление, что меня намеренно оставили здесь одного.

– Но почему они просто не бросили меня прямо на улице, пока я был в отключке? Откуда взялся мотоцикл? Почему оставили юрту и все, что в ней?

Только тут мне пришла в голову мысль о том, что надо осмотреть оставшуюся юрту: возможно, там будет какая-то подсказка.

Я вернулся в юрту. Здесь все было по-прежнему. Только недалеко от входа стояли несколько пластиковых бутылок с водой и завернутая в тряпку головка сыра. Нетрудно было догадаться, что вода и сыр оставлены для меня. Хотелось сказать спасибо гостеприимным хозяевам!

Какая бы разгадка не была у этой тайны, было ясно, что надо быстрее уходить отсюда. Я с грустью представил, как многие километры я бреду по степи под палящим солнцем. И тут вспомнил о мотоцикле:

– Удастся ли завести его без ключа и сколько в баке бензина? – с этими мыслями я вышел из юрты.

Я подбежал к мотоциклу, уселся в обтянутое козлиным мехом седло. Ключа зажигания в гнезде не было. В слабой надежде, что ключ может находиться где-то рядом, я стал обходить вокруг мотоцикла, обшаривая взглядом землю. Подойдя к коляске, я вскрикнул: моя нога чуть не приземлилась на руку лежащего лицом вверх незнакомого мужчины. Судя по положению головы, шея его была свернута, он был удушен с помощью плетки, валяющейся неподалеку.

Несколько секунд я тупо смотрел на убитого. На вид ему было лет 30, одет по-городскому: майка, длинные шорты. На лице – трехдневная щетина. Некстати мелькнула мысль:

– Хорошо, что у меня растительность на лице растет плохо.

Я не мог оторвать взгляд от его левой руки, выглядывающей из-под коляски. Она была зажата в кулак, из которого свисала цепочка, как две капли воды похожая на ту, которая была надета на мою шею. На предплечье красовалась татуировка: кривая стрела в виде змея, обвивающая что-то вроде дерева на фоне морды какого-то животного.

Я протянул руку к «своей» цепочке. На моей шее не висе-

ло ничего, цепочка исчезла! Я понял, что пока я спал, кулон был кем-то снят и теперь был зажат в кулаке убитого!

Дальнейшие мои действия не соответствовали ни моим представлениям о нормах морали, ни моему флегматичному характеру. Видимо, руководил мною исключительно инстинкт самосохранения.

Я разжал кулак мертвеца, вытащил цепочку с подвеской, сунул ее в потайной кармашек на липучке под ремнем. Наконец-то я мог его использовать: карман был настолько мал, что впервые хоть что-то в него уместилось! Потом я обшарил карманы мертвеца. Моей добычей стал ключ зажигания и портмоне, рассматривать содержимое которого у меня не было времени. Я не забыл вернуться в юрту, чтобы прихватить свой рюкзак, куда предварительно погрузил сыр и 2 бутылки воды.

Вернувшись к мотоциклу, я откинул полог коляски, чтобы положить туда рюкзак. И здесь меня ждал еще один сюрприз. Коляска была забита какими-то огромными тюками, сверху на них была небрежно брошена замусоленная сумка из плащевки с расстегнутой застежкой-молнией. Сквозь ее расходящиеся края вываливались пачки банкнот. Сумка была доверху набита долларами.

Если бы я мог в эту минуту руководствоваться здравым смыслом, то бросил бы сумку вместе с мотоциклом и бежал бы отсюда как можно быстрее. У больших денег всегда найдется хозяин. И этот хозяин не позволит мне далеко уйти.

Но в эту минуту мой внутренний голос молчал, его заглушила одна мысль: «Этого точно хватит расплатиться с Артуром Борисовичем за потерянный раритет».

Я быстро застегнул сумку, задвинул ее ближе к ветровому стеклу, накинул полог на коляску, перекинул за спину рюкзак, вскочил в седло и рванул с места, оставив позади мертвое тело, одинокую юрту и ее исчезнувших хозяев.

Четкого плана у меня не было. Я ехал в город между холмами по зигзагообразной траектории и в прямом, и в переносном смысле. Направление определял приблизительно: было утро, значит солнце находится на юго-востоке. А я ехал на юго-запад. К сожалению, мотор мотоцикла заглушал все звуки, и невозможно было уловить шума шоссе. Возможно, я все дальше удалялся от него.

Я проехал около десяти километров, когда впереди показалась извилистая лента пустынной дороги. Подъехав поближе, я понял, что это не дорога, а русло высохшей речки. Мотоцикл, не двигаясь, с ревом прокрутил переднее колесо и заглох. Мотор не в силах был тянуть перегруженную коляску по песчаной почве.

За время лавирования между холмами я немного пришел в себя и обрел способность к каким-либо логичным действиям. Надо было, наконец, избавиться от лишнего груза. Откинув полог коляски, я поставил на землю сумку с банкнотами и приготовился вытаскивать тюки. Оказалось, что все пространство было занято одним огромным мешком. Выта-

щить его в одиночку было проблематично, я решил развязать стягивающую горловину веревку и вытащить груз по частям. Мне показалось, что там могли быть бараньи туши. В тот момент, когда я развязал последний узел и снял веревку мое запястье охватила чья-то смуглая сухая рука, выползшая из мешка. Я замер, не в силах пошевелиться.

Я уже давно не верил в страшные сказки о черной руке или летающем гробе, но на секунду поверил, что я стал пленником ожившей мумии.

Глава 7

Я стоял, замерев в оцепенении. Замок цепких пальцев слабел с каждой секундой. Я понял, что сил у моего случайного пассажира хватит лишь на то, чтобы еще не более минуты удерживать меня, и стал осторожно высвобождать свое запястье. Сопротивления я не почувствовал, захват ослаб настолько, что казалось, что рука неизвестного не удерживает, а держится за меня в поисках опоры. Потом эта рука безвольно упала на приоткрытую горловину мешка. Я понял, что угроза со стороны неизвестного миновала, и открыл мешок.

В мешке находилось скрюченное тело худощавого мужчины. Мне были видны его жилистая шея с границей загара, обнаженное смуглое плечо с неловко вывернутой рукой и часть спины. По синякам и кровоподтекам было видно, что человека перед тем, как засунуть в мешок, нещадно били.

Если бы не движение его руки, то я бы подумал, что передо мной – труп.

Осторожно, стараясь не причинить боли узнику, я вытащил огромный тук из коляски. Человек не сопротивлялся и не помогал мне. Не хотелось вытряхивать тело, лучше было разрезать ножом мешковину. Когда плотная ткань тюка была почти разрезана, раздался стон. Я скользнул глазами по мешку и встретился с мутным взглядом того, кого считал уже погибшим.

В опухшем сизом лице мелькнуло что-то знакомое. Я узнал его. Это был один из тех овцеводов, вместе с которыми мы вчера пили чай в юрте босса!

Человек пытался что-то сказать, но сквозь потрескавшиеся распухшие губы вырывались лишь свистящие звуки.

– Потерпи немного, – сказал я, помогая ему расправить ноги.

Я уложил его в тени от мотоцикла, свернул остатки мешка и положил валик под голову, протер его лицо мокрой тряпкой и поднес горлышко бутылки с водой к его губам. После того, как человек мелкими глотками выпил воду, он наконец смог произнести:

– Ты должен довезти меня до города.

– Я постараюсь. Только скажи: почему и кто тебя избил, откуда эти деньги? – я схватил сумку и расстегнул замок перед его лицом.

Если бы в этот момент я оторвался от земли и взлетел,

думаю, что мужчина был бы взволнован меньше.

– Откуда у тебя эта сумка? Ты украл ее? – почти прокричал он, не отрывая взгляд от сумки и пытаясь встать.

– Нет, воровать не в моих правилах, они прилагались в нагрузку к тебе и мотоциклу, – попытался пошутить я, – Могу только сказать, что их хозяину они уже явно не понадобятся.

Мой собеседник никак не отреагировал на шутку. Возбуждение, которое он только что пережил, отняло у него последние силы. На минуту он впал в забытие, а потом произнес:

– Пошарь в коляске, может найдешь там что-нибудь еще, – сказал он.

Я заглянул в коляску и, действительно, на дне в передней части, там, куда обычно протягивает ноги пассажир, стояли мешок. Как-то в таком мешке я покупал 10 кг сахара. На мешковине были отпечатаны буквы: «gbs@L». Вот почему мотоцикл так трудно шел: мотору пришлось тянуть вес двоих людей и еще – этот сахар.

– Здесь только сахар, навряд ли он нам пригодится, – сказал я, вытаскивая мешок из коляски, чтобы выкинуть его.

Что-то типа мычания вырвалось у него из горла:

– Не спеши избавляться от того, что может спасти тебя. Цена этого мешка намного больше цены твоей жизни. Запоминай адрес, – тут он произнес какое-то незнакомое мне название и добавил название улицы, – отвезешь все туда – останешься жить.

Это были последние слова моего случайного попутчика. Его голова безвольно свесилась на правое плечо, веки сомкнулись. По лежащему телу прошла дрожь, ноги вытянулись. Это была агония.

Возможно, события последних недель лишили меня способности к состраданию. Но в эту минуту я испытывал сожаление лишь от того, что не успел получить ответы на интересующие меня вопросы.

Я достал из рюкзака лопатку и начал копать яму: оставлять тело умершего брошенным в степи не позволяла совесть. Песчаная почва позволила справиться с работой довольно быстро.

Через час я уже снова брел по степи. Мотоцикл я бросил в русле высохшей реки, решив, что он будет привлекать ненужное мне внимание. Сумка с деньгами болталась у меня за спиной поверх рюкзака вместе с двумя пластиковыми бутылками воды. Мой вид мог бы вызвать жалость у любого прохожего. Стоптанные в хлам сандалии, вылинявшая майка, обвисшие карманы штанов выдавали многодневного бездомного бродягу. Никто бы не мог предположить, что за моей спиной в потрепанной сумке находится целое состояние. Но прохожих за пол-дня моего пути не встретилось ни одного.

Солнце начало опускаться к горизонту, когда я снова услышал шум дороги. Это не был гул скоростного шоссе, ветер доносил звуки работающего моторов изредка проезжав-

ших машин. Я ускорил шаг: передо мной во всей реальности предстала перспектива ночевки в степи.

Однажды мне довелось провести ночь в степи. Но тогда я не был один, у нас были палатки и возможность разжечь костер. Сейчас же палатки у меня не было, а значит любая проползающая змея или тарантул могли проявить внимание ко мне. Также не было возможности разыскать хоть какие-то ветки для костра, который мог отпугнуть хищников. А главное – я не знал местности и не мог подобрать подходящее место, скрытое от глаз возможных недоброжелателей.

Когда я вышел к дороге было уже совсем темно. Машин не было. Я решил идти по обочине: рано или поздно должна же была объявиться хотя бы одна попутка. Но она все не появлялась.

На небе сияли звезды, луна ярким фонарем заливала холодным светом все вокруг. В другое время я бы наслаждался зрелищем этого ночного великолепия. Но сейчас я мечтал лишь о том, чтобы остановить безумный калейдоскоп непонятных событий и ощутить если не гармонию мира, то хотя бы его безопасность.

Наконец, позади послышался дребезжащий звук работающего мотора: меня настигал некий агрегат. Это было что-то среднее между трактором и микроавтобусом: ржавая кабина на огромных колесах. Я поднял руку. Небритый мужик лет около пятидесяти, сидевший за рулем, внимательно осмотрел меня. Думаю, что он соотносил мое телосложение с соб-

ственным. Сравнение убедило его, что беспокоиться не стоит, и он жестом пригласил меня на пассажирское место.

Я взобрался на ступеньку, подтянулся на поручне и взгромоздился рядом в водителем.

– Я тебя могу подвезти только до мотеля, – сказал он, – Сам тоже там заночую, а завтра поеду дальше.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я его.

– Курить будешь? – спросил он, протягивая мне мятую пачку.

– Я не курю, – сказал я.

– Днем от слепней помогает, а сейчас дымлю по привычке – объяснил он, окутывая все вокруг облаком едкого дыма.

– Раньше я любил ездить ночью: прохладно, тихо, – продолжал он, – А теперь в наших краях стало беспокойно, не знаешь: кого встретишь. Много всякого народа понавалило. Вчера опять двух повешенных жмуриков нашли. Не слышал?

Он поправил зеркало, чтобы видеть выражение моего лица. Я старался не подавать вида, что эта тема меня волнует.

– Ты-то сам откуда будешь? – спросил он, – по выговору похоже, что из Питера.

– Угадали, – ответил я.

Мужик удовлетворенно хмыкнул, довольный собственной пронизательностью и тем, что я назвал его на Вы.

Я уже успел заметить, что в этих краях некоторые люди почему-то испытывали определенное почтение к моему род-

ному городу. Мой водитель был именно из таких. Видимо, благоприятный для сегодняшних «туристов» имидж был создан много лет назад их эвакуированными или сосланными сюда земляками. Спасибо им!

Мой мысленный исторический экскурс прервал новый звук: где-то слева впереди работал другой мотор. Вскоре из-за поворота показался свет фар. С боковой дороги к нам приближалась машина. Она выехала на нашу дорогу, став на ее обочине.

– Что они здесь забыли ночью? – процедил сквозь зубы водитель: – Сползай под сиденье, – добавил он.

Машина остановилась метрах в десяти от нас. Ее фары мигнули в знак того, что и нам надо остановиться.

Поравнявшись с машиной, мой водитель затормозил и приоткрыл дверь. Я заметил, что его правая рука нырнула под сидение, что-то нащупывая там.

Я рассмотрел надписи на автомобиле: это был полицейский патруль.

Мое сознание лихорадочно заработало. Я пытался придумать объяснение тому, откуда взялась огромная сумма денег в замызганной сумке, которая сейчас оставалась лежать вместе с рюкзаком на сидении рядом со мной.

Дверь полицейской машины открылась, из нее с трудом выбрался грузный человек и направился к нашему агрегату. Со своего места сквозь ноги водителя я видел только нижнюю часть его фигуры, чего было достаточно, чтобы понять,

что вес этого человека намного превышает 100 кг.

Водитель полицейской машины оставался на своем месте, он продолжал держаться за руль и поглядывал на нашу машину из-под опущенного козырька форменной фуражки. На заднем сидении виднелись еще одна фигура.

Я заметил, что поза моего водителя стала менее напряженной, он осторожно вытащил руку из-под сидения и вышел из машины.

– Здорово, Николай! – сказал полицейский, – Сколько раз я говорил тебе, что не стоит сейчас разезжать по ночам.

– Здорово, кум, – ответил водитель на приветствие полицейского, – Сам понимаешь: работа ждать не будет.

– Ну, лады, сказал полицейский, – Я тебе одного обдолбанного подсадить хочу. Подобрали в степи еле живого с кучей наркоты. Завтра надо допросить, а делать крюк до отделения не хочется, и так уже пол-ночи ездим. Ты все-равно в город едешь – прихвати его, сдай дежурному.

– Надо, так надо, – без особого энтузиазма произнес Николай.

– Помоги его погрузить, сам он еле ползает, – сказал полицейский.

Николай спрыгнул на дорогу, прикрыв свою дверь. Грузный полицейский открыл заднюю дверь дежурной машины, вытащил обмякшее тело молодого мужчины в наручниках.

То, что произошло в следующую минуту я мог осознать и восстановить в памяти только спустя некоторое время.

Водитель полицейской машины вышел на дорогу, вскинул руку, в которой блеснуло оружие и выстрелил в своего напарника. Грузное тело рухнуло на дорогу. Второй выстрел настиг тщедушного наркомана, который на миг очнулся от забытья и попытался бежать. Третий выстрел предназначался Николаю. Как во сне или в замедленной съемке я видел, как полицейский перевел ствол в его сторону, раздался щелчок. Но прежде, чем прозвучал выстрел, пущенный мною нож просвистел в воздухе и вонзился в руку стрелка. Вот когда пригодилось мое дворовое чемпионство в игре «в ножички»! Убийца выронил пистолет и схватился левой рукой за рукоятку ножа, стараясь вытащить его из раны.

Николай с неожиданным для него проворством метнулся к упавшему на землю пистолету и схватил его. Он прижал дуло к щеке водителя и зарычал:

– Брось нож! Ты зачем убил их? Отвечай, считаю до трех!

– С этим лохом нельзя было договориться, – простонал водитель, отбрасывая нож в сторону и кивком указывая на труп убитого полицейского.

– О чем ты хотел с ним договариваться? – проревел Николай.

– Не спеши расправляться со мной. Ты сначала посмотри, что мы нашли у этого нарика, – сказал полицейский, указывая на полицейскую машину, – А он хотел все это сдать. Тут нам бы на две жизни хватило!

– Посмотри, что там, – сказал Николай, обращаясь ко мне.

Я открыл дверь полицейской машины и на заднем сидении увидел десятикилограммовый мешок с сахаром – тот самый, с надписью «gbs@L» которые я оставил в коляске мотоцикла.

– Такое количества антрацита у меня в руках оказалось первый раз в жизни. Я предложил этому лоху не сдавать мешок, а поделить добычу на двоих. Даже предложил ему организовать продажу его доли. Он отказался, да еще и обругал меня. Когда мы тебя остановили, я понял, что богатство уплывает безвозвратно, и решил действовать, – продолжал он.

– И ты решил убить своего напарника и задержанного наркомана, а заодно и меня. Как бы ты объяснил своему начальству такое количество трупов? – спросил Николай.

– Я не хотел оставлять свидетелей. Все бы выглядело так, что ты убил этих двоих, а я бы, защищаясь, убил тебя. Откуда только взялся этот перец, теперь все пропало, – сокрушенно сказал полицейский.

– А может все же договоримся с тобой? – добавил он после небольшой паузы.

– А потом тебе снова помешают свидетели и ты спокойно их уберешь, – насмешливо сказал Николай.

Он подошел к убитому толстяку, отстегнул от его пояса наручники, защелкнул одно кольцо вокруг запястья полицейского-водителя, подтащил его к полицейской машине и другое кольцо замкнул на ручке машины.

– Посиди здесь, подожди своих, – сказал Николай, направляясь к своей машине, – Поехали, – сказал он, обращаясь ко мне.

– Он не будет нас преследовать? – спросил я, усаживаясь на свое прежнее место.

– Ему надо еще постараться дожить до утра, – ответил Николай.

Мы отъехали недалеко, когда ночную тишину прорезал крик. Это кричал оставленный нами полицейский.

– Что с ним могло случиться? – обратился я к Николаю, – Вы знали, что ему что-то угрожает?

– Конечно, знал. Трудно уцелеть ночью в степи в луже своей и чужой крови ди еще и с мешком наркоты. Шакалы на четырех и двух ногах всегда идут по следу хищников. Не думай об этом, сказал Николай.

Оставшуюся часть дороги мы ехали молча.

Глава 8

Вдали мелькнули несколько огней Мы приближались к кемпингу. Рассмотреть что-либо в темноте было трудно. Строения возникли перед глазами лишь тогда, когда мы почти вплотную приблизились к ним.

Единственная лампочка освещала вход в длинный деревянный дом, рядом с которым стояло несколько машин.

Только сейчас я почувствовал, как затекла моя спина и

ноги. Казалось, что еще немного и я навсегда останусь, как в детском стихе, скрюченным человеком со скрюченными ножками, обреченным гулять целый век по скрюченной дорожке.

Я вылез из кабины вслед за Николаем и поднялся за ним вверх по крыльцу.

В вестибюле, выполнявшего функции прихожей, гардероба и рецепшена, было пусто. За стойкой вглубь дома шел длинный коридор с рядом дверей. Николай постучал по стойке. Из одной из дверей вышла заспанная молодая женщина в запаханном помятом цветастом халате, с трудом прикрывавшим необъятную грудь, лежащую на выступающем животе. Зевая, она открыла ящичек, висящий на стене, достала оттуда ключ и бросила его на стойку.

– Свободная койка только одна, – произнесла она медленно, растягивая слова. Казалось, что она не закончила предложение и должно быть продолжение, но она молчала.

Николай, видимо, зная правила разговора, сказал:

– На койку положишь моего друга. Плачу дополнительно еще косарь – тебе на помаду. Поищи для меня что-нибудь: устал, как собака.

Женщина молча посмотрела в ящичек и достала оттуда еще один ключ и снова молча бросила его на стойку.

Потом повернулась, чтобы уйти. Проходя мимо окна, она повернула голову в его сторону и приостановилась. Ее сонливость мгновенно улетучилась.

– Это твоя колымага?– спросила она, указывая на агрегат, стоящий прямо под фонарем напротив окна.

– Да, моя уже лет пятнадцать,– подтвердил Николай.

– Тебе лучше на ней не светиться: часа полтора назад звонили из полиции и приказали сообщать о ней где бы она ни появилась. Что ты там натворил? – спросила женщина.

Не дожидаясь ответа, она, поразмыслив несколько секунд, добавила:

– Иди за мной. Если ты перешел дорогу Дедушке Максу, то ты не такой уж плохой человек. У меня свои счета с этим старым пердуном.

Николай взял со стойки первый ключ, выданный женщиной, и подал его мне:

– Иди в номер, а я разберусь с машиной. Утром встретимся. У тебя есть чем расплатиться за гостиницу?

Я кивнул. Добрый человек! Представляю, как он был бы удивлен, узнав о моей кредитоспособности в данный момент.

Он вышел вслед за женщиной, медлительность которой улетучилась вместе остатками сна. Теперь это была собранная деловая тетка, возражать которой никому бы ни пришло в голову.

Я направился вглубь коридора, поглядывая на номера, написанные на дверях в помощь самодельного трафарета. На моем ключе висела бирка с цифрой «3». Но порядковые номера на дверях начитались с пятерки. Пройдя коридор до

конца, и не обнаружив своего номера, я вернулся, и только тут заметил рядом со стойкой три ступеньки, ведущие вниз. Видимо, существовал еще и цокольный этаж, в котором и следовало искать мой номер. Я спустился по ступенькам и, действительно, прямо передо мной возникла дверь с цифрой «3». Других дверей здесь не было. У меня мелькнула мысль: – А где же номера 1 и 2?

Я открыл дверь и перед моими глазами предстала крохотная комнатка, куда кроме узкого деревянного топчана умещалась лишь колченогая табуретка. Я понял почему Николай настаивал на предоставлении ему дополнительного номера. Двум людям здесь можно было разместиться только стоя. Впрочем, комната имела претензии на какой-то ремонт: на потолок были приклеены узорчатые полистирольные квадраты, стены были оклеены дешевыми полосатыми обоями, на полу был постелен ламинат с обтрепавшимися стыками. Под самым потолком виднелась узкая горизонтальная щель окна, сквозь которую лился холодный лунный свет. Топчан был застелен ворсистым синтетическим пледом, на котором была изображена знойная красотка, обнимающая лежащего леопарда.

Я запер дверь, сбросил рюкзак и сумку, снял сандалии, рухнул на топчан поверх леопарда и голой красотки. Прежде чем провалится в сон сквозь закрытые веки я заметил, что в комнате стало темнее. Угасающее сознание не придало этому значения. Возникла лишь мысль о внезапно появивших-

ся тучах, которые закрыли луну. Если бы усталость не свалила меня, то я бы заметил лицо человека, заглядывающего в мое окно.

Мне снился огромный спортивный зал, с высокого потолка которого свисали резинки, похожие на тарзанки. Концы этих резинок были замкнуты в полукольца. В этих полукольцах сидели люди. Их было много – человек 20. Они отталкивались ногами от пола, взлетали вверх, приземляясь, снова отталкивались. Среди этих людей были двое гопников, повешенных в мазаре, погибший овцевод, предатель-полицейский. Я с удивлением увидел в этой компании моего питерского шефа, босса из юрты и его дочь, которая с грохотом отталкивалась от пола и громким смехом взлетала под потолок. Грохот становился все назойливее и стал раздражать меня, вырывая из абсурда этого сна.

Кто-то стучал в в стену. Я открыл глаза и увидел яркий солнечный луч, пробивающийся сквозь оконное стекло под потолком. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить: где я нахожусь. Затем я вскочил с топчана, перешагнул через валяющиеся на полу сумку и рюкзак и выглянул за дверь. На ступеньках стояла вчерашняя женщина и пыталась молотком приколотить щеколду к соседней двери, которую я вчера не заметил. Одетая она была в широкие шорты и майку с надписью «Good night» во всю ширину груди, волосы ее были собраны в аккуратный пучек.

– Тебе надо заплатить за номер. Ты завтракать будешь? –

спросила она без приветствия.

– Сейчас рассчитаюсь. Давайте помогу – предложил я.

Я взял у нее из рук молоток и двумя ударами забил торчащие гвозди.

– Неплохо получается, – сказала женщина, забирая у меня молоток.

Я вернулся в номер и порылся в карманах в тщетной надежде найти деньги, которыми можно было расплатиться с хозяйкой гостиницы. Доллары из сумки я не рассматривал в качестве платежного средства: крупные купюры у такого босняка, как я, вызвали бы подозрение. Кроме того, необходимо было сначала определить статус этой находки. Я вспомнил слова человека, найденного в коляске мотоцикла:

– Ты должен все вернуть, если хочешь жить.

Карманы моих шорт представляли собой довольно внушительный склад, в котором хранилось все необходимое, что облегчает жизнь в любом путешествии. Здасть был кусок крепкой тонкой веревки, пара гвоздей, влажные салфетки, спички и еще много кой-чего. Сейчас появился повод навести здесь порядок. Я стал аккуратно выкладывать все на топчан. И тут из нижнего кармана я извлек незнакомый мне предмет. Я не сразу узнал его: это было партмоне, которое я вытащил из кармана мотоциклиста. Я расстегнул кнопку и откинул крышку. В основном отделе партмоне лежали водительские права, несколько купюр местных денег (то, что мне сейчас было крайне необходимо), какие-то сложенные бу-

мажки, две сим-карты и небольшой плоский дверной ключ.

Эта добыча немного облегчала мне жизнь. Во-первых, я смогу расплатиться за ночлег. Во-вторых, я смогу воспользоваться местными симками и, возможно, дозвонюсь в Питер.

Я сгреб все, что вытащил из карманов в одну кучу, захватил ее, и двумя пригоршнями пересыпал поверх болоньевой сумки с долларами. Оставил только партмоне, затолкал его обратно в карман, и отправился расплачиваться за ночлег.

При дневном свете вестибюль выглядел еще менее презентабельно, чем ночью. Бросались в глаза потертости краски на деревянном крашенном полу, местами отклеивающиеся обои. Но также были заметны следы усилий, с которыми владельцы пытались замаскировать надвигающуюся разруху. Масляное пятно на стене прикрывала картина с изображением букета цветов, на прорванную обивку стоящего в углу диване была аккуратно положена небольшая вышитая подушка, на полу перед стойкой в месте предполагаемого скопления народа лежал коврик, скрывающий протертый до древесины участок пола. Откидная крышка стойки рецепшена, также выполнявшая роль стола, еле держалась на одном загнутом гвозде.

В вестибюле было тихо и пусто, казалось, что в доме не было никого. Вскоре раздался скрип половиц: по узкой лестнице спускалась хозяйка. Я с удивлением обнаружил, что это стороение имело еще и второй этаж.

– Давай расплачивайся, – без всякого вступления сказала она и назвала сумму. – Потом можешь воспользоваться душем и завтраком. А туалет там, – махнула она рукой куда-то в сторону коридора.

Я достал кошелек, начал отсчитывать незнакомые мне купюры. Женщина ждала, удобно устроив свою роскошную грудь на сложенных на стойке руках. Взяв деньги, она открыла ключем ящичек где-то внизу и положила туда купюры. Затем также откуда-то из-под стойки достала тарелку, на которой лежал странный набор: запечатанный плавленый сырок, шампур с подсохшим шашлыком и какая-то немного сморщенная булочка. За тарелкой на стойку последовал стакан кефира. Я понял, что мне предлагают завтрак.

Я положил кошелек в карман, взял в одну руку тарелку, в другую – стакан и направился в свой номер. Не успел я сделать и двух шагов, как входная дверь с грохотом растворилась: кто-то с силой толкнул ее ногой.

В вестибюль ворвались двое. Один из них метнулся с стойке за спину хозяйки и мгновенно зажал ее шею захватом левой руки. Правая рука со сверкающим в ней небольшим кухонным ножом застыла перед ее лицом.

– Где деньги? – заорал он неожиданно высоким голосом.

Второй грабитель оставался у входа, он прижимал к груди какое-то оружие, рассмотреть которое мне мешал край его распахнутой жилетки. Я отметил что его вторая рука, засунутая в карман, неестественно свисает вниз и слегка подраги-

вает. Похоже, что у него была повреждена ключица.

– Выкладывай все деньги! – снова заорал нападающий, размахивая ножом перед лицом женщины.

Я взглянул на хозяйку и был поражен ее самообладанием. Лицо ее сохраняло то же выражение, которое было полчаса назад, т.е. какое-либо выражение отсутствовало вовсе. Это было непроницаемое спокойствие сфинкса. Прямым немигающим взглядом она смотрела на грабителя, стоящего у двери, пока за ее спиной орал другой, угрожая ей ножом.

– Отпусти меня, – сказала она. – Или ты ждешь, что я сейчас рожу эти деньги?

Грабитель опустошил руку, немного отступил и остановился в открытом узком проходе стойки рецепшена. Его компаньон нервно перебирал ногами то устремляясь вперед, то возвращаясь на прежнее место.

Хозяйка протянула руку под стойку, но не туда, куда она недавно положила мои деньги, а ближе к выходу из-за стойки, туда, где лежала откиннутая крышка. О ее намерении я догадался мгновенно. Все это время я держал в руках выданный мне завтрак. Я выплеснул кефир прямо в лицо “старшему” грабителю и одновременно с силой ударил шампуром с шашлыком по руке охранявшего дверь неврастеника. Куочки сушеного мяса разлетелись в стороны. Как я и предполагал, вторая рука грабителя по какой-то причине не работала: она так и оставалась засунутой в карман. Доходяга взвыл, оружие выпало из его руки. Он скорчился от боли и

опустился на корточки. К его крику присоединился фальцет первого грабителя, пискнувшего перед тем, как упасть после удара крышкой стойки рецепшена, которую хозяйка со всей своей силой обрушила на его голову.

Я поднял выпавшее из рук “охранника” оружие. Это оказался не пистолет, а небольшой балонный ключ.

Ситуация изменилась: один из грабителей лежал на полу без сознания, другой – тихо скулил, сжавшись в комок. Хозяевами положения стали мы.

Глава 9

Хозяйка извлекла моток скотча откуда-то из-под стойки и бросила мне, сама же быстро связала руки лежавшему без чувств бандиту поясом собственного халата. Младшего я обернул несколько раз скотчем, т.к. вторая рука у него просто безвольно болталась, получилось что-то вроде большого грязного чупа-чупса. Он не пытался сопротивляться, только заискивающе поглядывал мне в глаза.

– Надо вызвать полицию, – сказал я.

Скорчившийся у двери грабитель заскулил:

– Не сдавайте нас, мы просто хотели немного заработать, чтобы поесть и выбраться из этой дыры. Мой друг сказал, что мы никому не причиним вреда. Вы же видите: у нас даже настоящего оружия нет.

– Да ладно, – с усмешкой ответила хозяйка. – А нож, зна-

чит, не считается?

– Это только, чтобы вас припугнуть, – продолжал нить доходяга, – да и нож-то не наш, нам его мусор дал.

Тут он поперхнулся: понял, что сболтнул лишнего, и испуганно взглянул на хозяйку. Та вышла из-за стойки и медленно двинулась к бедолаге, который снова скорчился и тихо заскулил.

Женщина подошла к бандиту, схватила его за воротник и без труда приподняла его так, что его лицо оказалось перед ее глазами.

– Так кто вас послал ко мне? – чеканя каждое слово произнесла она.

Она встряхнула фигуру, полувисящую в ее руке.

– Это- главный начальник, я не знаю его имени, – заныл тощий, – Он толстый и лысый.

Теперь-то он нас точно достанет из-за твоего длинного языка, – донеслось из-за стойки, – это пришел в себя оглушенный верзила.

Хозяйка отпустила безвольное тело и направилась обратно за стойку.

Связанный верзила сидел, привалившись спиной к стене. Хозяйка брезгливо обошла его и села на стоящий рядом стул.

– Никто не видел, как вы вошли сюда, в доме также нет свидетелей, – задумчиво произнесла она, – Думаю, что вдвоем мы справимся с вами, даже такую тушу, как ты, разделаем, собакам корма хватит надолго, – она пнула вытянутую

ногу верзили.

Оценивая оглядывая его фигуру, она добавила, обращаясь ко мне:

– С ним хлопот будет не больше, чем в прошлом месяце с тем уродом. Помнишь, как мы с ним намучились пока его разделявали?

На верзилу, казалось, этот блеф не произвел ожидаемого впечатления. Только участвовавшее сиплое дыхание могло выдавать его волнение.

– Ты – плохая артистка, – неожиданно произнес он.

Женщина снова обернулась к нему:

– Ты это к чему?

– Я знаю, что с этим, – он кивнул в мою сторону, – ты знакома не больше суток. Если развяжешь меня и дашь пару сотен на дорогу, то я расскажу кое-что интересное для тебя и для него.

– Да что ты можешь рассказать? Развяжу, а ты снова накинешься. Ты меня за дуру держишь? – в голосе женщины чувствовалась неуверенность.

– Думаешь я не знаю, что взять с тебя нечего. Если бы боров в погонах нас сюда не послал, мы бы уже далеко были. Теперь нам надо от него подальше держаться, он нас так просто не отпустит. Так какой смысл мне на тебя силы тратить?

– Ладно, сделаем так. Я вас развяжу, но пока отсюда не выпущу, поживете здесь пару дней. Вас никто не должен видеть: пусть думают, что вы сбежали. И мне будет спокойнее

оттого, что вас снова на меня не натравят, – ответила хозяйка.

Она вышла из-за стойки, направилась в сторону коридора и скрылась в его темноте. Вернулась через минуту. В ее руках было охотничье ружье.

– Развяжи его, – обратилась она ко мне, кивнув в сторону верзилы.

Сама же положила ружье на диван, взяла нож и направилась к тщедушному бандиту. Тот снова громко заскулил: он неправильно истолковал намерения хозяйки. Пока я развязывал узел веревки, стягивающие руки верзалы, женщина разрежала скотч, обвивающий фигуру доходяги.

Освобожденные пленники остались на своих местах. Только верзила встал во весь рост и потирал руками голову.

Мне почему-то стало жаль его. Я заметил, что он младше, чем мне показалось вначале, ему было не больше 35. А одежда опрятная и незаношенная, не похожая на одеяние местных бродяг. Его руки с неожиданно ровными гибкими пальцами слегка тряслись.

Хозяйка перехватила мой взгляд и сама стала внимательно смотреть на пленника.

– Ты не похож на местных, – произнесла она, – что тебя занесло в нашу глушь?

– Долго рассказывать. Да и таких историй ты уже, наверное, слышала немало. Полезнее узнать не то, как я попал сюда, а то, зачем я здесь – ответил он.

– Идите за мной, – прервала его хозяйка, – через часок расскажешь о своих приключениях. Я должна здесь немного прибраться до того, как проснутся постояльцы.

Внезапно доходяга, стоящий недалеко от двери, с неожиданной прытью рванулся к ней, и через несколько секунд уже бежал по улице.

Я бросился было за ним, но хозяйка схватила меня за рукав:

– Пусть бежит, он далеко не уйдет. Или сам лапты склеит, или шеф замочит. Второй раз сюда он уже точно не придет.

Хозяйку это происшествие, казалось, это совсем не удивило и не расстроило. Она с невозмутимым видом смотрела вслед беглецу.

Она взяла ружье, кивком указала на ступеньки, ведущие вниз в сторону моей комнаты. У меня в голове мелькнула паническая мысль: «Уж не в мою ли комнату она его поведет?». Но, спустившись на три ступеньки, она указала жестом куда-то вправо. Оказалось, что в небольшом тамбуре, за углом одиноко стоящего шкафа был а еще одна дверь, за которой открывался узкий коридор с несколькими ступеньками, ведущими вниз. Я бы не удивился, если бы таких коридорчиков со ступеньками было еще несколько: архитектор этого дома явно не страдал клаустрофобией. Но, кажется, что довольно обширный подвал, заваленный старьем, был нижней точкой этого строения.

Мы прошли к противоположной от входа стене и увидели

низкую крепко сколоченную деревянную дверь, за которой оказалась довольно просторная комната. Здесь стояла двухъярусная кровать, стол, два табурета. В сравнении с предшествующим помещением в комнате было довольно чисто. На кровати лежали свернутые в рулоны ватные почти новые ватные матрасы, на столе стояла чистая посуда. В углу даже было что-то среднее между умывальником и душем: к потолку была привязана веревка, держащая над большим корытом металлическую садовую лейку. Функцию клозета выполняло, видимо, пластиковое ведро с крышкой.

Мне показалось, что здесь совсем недавно кто-то жил, хотя следов присутствия человека заметно не было.

– Располагайся здесь, сейчас он, – хозяйка кивнула в мою сторону, – принесет тебе постельное белье и чайник. У нас все по высшему разряду! А потом я с тобой побеседую, – сказала она.

Мы с хозяйкой вышли из комнаты. Она закрыла дверь на ключ и пошла впереди меня. Поднявшись наверх, она принесла постельное белье, протянула мне ключ со словами:

– Отнеси ему, а то он мне весь матрас изгваздает, а потом возвращайся за чаем.

Пленник, похоже, быстро освоился. Он сидел за столом и перелистывал книги.

– Я вижу, что ты сам не так уж давно здесь, – сказал он и добавил: – Добровольно сюда попал или как я? Куда дальше собираешься?

– Добровольно, – ответил я на вопрос, отметив, что пленник способен быстро становиться хозяином положения. Удивил и вопрос: «Куда?». Как будто он знал мой предшествующий маршрут. Возможно, мои опасения являются начальными признаками паранойи, но я решил на всякий случай не терять бдительности при общении с ним.

Когда я принес чай с лепешкой, он взял у меня поднос и, ни слова не говоря, принялся за еду.

Я запер дверь и оглядел подвал. Здесь было много экзотических для этой местности вещей: кресло-качалка, большая фарфоровая ваза с отбитой ручкой в виде лепестка растения, фрагмент какой-то узорчатой чугунной станины. Надо будет попросить у хозяйки разрешения покопаться здесь. Думаю, что здесь удастся найти немало занимательного.

Поднимаясь наверх, я услышал голоса, доносившиеся из вестибюля. Хозяйка кого-то отчитывала:

– Если ты опоздаешь еще раз, то можешь не приходить вообще. Почему постоялец должен за тебя чай разносить?

Перед хозяйкой стояла тощая чернявая девчушка лет 13. Выговор хозяйки, по-видимому, для нее был делом привычным и поэтому не вызывал особого огорчения. Она с любопытством уставилась на меня черными узкими глазами. Ее явно больше занимал рисунок на моей майке, чем отповедь хозяйки.

За окном перед крыльцом какой-то старик закреплял древко на лопате. Я понял, что в этом кемпинге имеются кое-

какие работники.

– Вот, полюбуйте, – продолжила хозяйка, обращаясь ко мне, – она думает, что я ей деньги плачу за ее хитрые глазки!

Затем, внезапно перейдя на «Вы» добавила:

– Кстати, познакомьтесь: это Гуля, она Вам сейчас завтрак принесет. А я – Гаухар, Галя по-вашему. А Вас как зовут? Пора бы уже познакомиться, – усмехнулась она.

– Константин, – ответил я, – можно просто Костя.

– Завтракайте, а потом пойдем снимать допрос с нашего гостя, – сказала она и направилась к входной двери. Видимо, за тем, чтобы дать распоряжения старику.

Рабочий день начался.

Я отправился к себе в номер в надежде, что приключения прошлых суток остались в прошлом и больше не повторятся. Усевшись на кровать, я сразу потянулся за рюкзаком, стоящим за изголовьем кровати, намереваясь еще раз провести его ревизию.

Еще до того, как я нащупал рюкзак, по моей спине пробежал холодок. Замызганная болоньевая сумка с деньгами исчезла! В следующую минуту я открыл для себя смысл фразы: «Не поверить своим глазам». Я обшарил рюкзак и пространство за спинкой кровати, заглянул под кровать: как-будто объемная сумка могла сжаться до величины спичечного коробка и затеряться в крохотной комнатке! Вся мелочевка, вынутая утром из карманов, была аккуратно сложена поверх рюкзака. А сумки не было!

Глава 10

Способность здраво рассуждать вернулась ко мне вместе со стуком в дверь: Гуля принесла завтрак. Она продолжала стучать до тех пор, пока я не сказал:

– Войдите!

Девочку явно учили правилам общения с постояльцами. В эти правила, видимо, входил запрет на вход в номер: она стояла и ждала, пока я не возьму из ее рук поднос. Вручив поднос, девочка быстро повернулась ко мне спиной и убежала, перепрыгивая через две ступеньки.

Я снова уселся на кровать и попытался восстановить в памяти картину сегодняшнего утра. Чтобы проникнуть в мой номер и украсть сумку надо пройти через вестибюль.

Я не помнил точно: запер ли я дверь на ключ, выходя из номера. Во время нападения бандитов я находился в вестибюле. Если кто-либо посторонний захотел бы проникнуть в коридорчик незамеченным, то ему бы пришлось пройти мимо меня. Хозяйку также можно было исключить из круга подозреваемых: она постоянно находилась рядом со мной. Правда, было еще несколько минут, когда я относил постель и завтрак пленнику: тогда хозяйка была вне моего поля зрения. В этот момент в номер мог проникнуть еще кто-то, кроме хозяйки. Надо выяснить: кто еще мог находиться в доме сегодня утром.

Странно, но особого сожаления от потери огромных денег я не испытывал. Видимо, я не успел привыкнуть к мысли о возможном богатстве и чувствовал, что от этих денег исходит опасность. Они лишь усилили ощущение тревоги. Тот, кто знал о деньгах, навряд ли мог быть моим другом. И еще было жалко потерянной возможности расплатиться с Артуром Борисовичем за потерянную редкую вещь, которую мне так и не удалось доставить по адресу.

Я решил пока ничего не говорить хозяйке, а попытаться выяснить самому: кто же так внимательно и успешно следил за мной? Тем более, что поднимать шум по-поводу пропажи я не мог, тогда бы пришлось объяснять откуда взялись эти деньги.

О том, что же делать дальше, я старался не думать. Посылка, которую я обязался доставить, потеряна. Возвращаться домой не к чему, да и не за что: денег из чужого портмоне навряд ли хватит на дорогу. Моя причастность к исчезновению наркотиков и денег рано или поздно будет выявлена их хозяевами. И тогда все мои предшествующие беды покажутся мелочью.

Я чувствовал, что все глубже погружаюсь какое-то в липкое болото, возможность выхода из которого уменьшается с каждым днем. Только гениальный план мог бы помочь мне. Но, увы, плана не имелось. Оставалось просто ждать какого-либо случая, который покажет дальнейшее направление.

За дверью слышались шаги: кто-то спускался по сту-

пенькам. По уверенной поступи я догадался, что ко мне идет хозяйка. Действительно, дверь распахнулась, в ее проеме, как в картинной раме стояла Гаухар. Шорты и майку она сменила на свободное балахонистое платье, которое, как ни странно, делало ее более стройной и привлекательной.

– Пойдем проведем нашего пленника, – сказала она, – он обещал нам рассказать что-то интересное.

Мы спустились уже в знакомый мне подвал. Гаухар открыла дверь.

Пленник лежал на кровати с книгой в руках. На обложке было написано «О. Бальзак. Утраченные иллюзии».

– Символично, – подумал я, – Видимо, «Большие надежды» Диккенса он уже прочитал.

Даже события последних дней не могли отвлечь меня от привычки поиска культурных аналогий.

Верзила отложил книгу в сторону и сел. Он не произнес ни слова и выжидающе смотрел на хозяйку. Женщина села на стул напротив кровати и также молча смотрела на пленника. Она первой нарушила молчание:

– Рассказывай то, что знаешь. А ночью я тебя выпущу. Если в твоём рассказе будет что-то полезное для меня, то дам тебе еще и немного денег на дорогу. Согласен?

– Я бы не торопился уходить отсюда, пусть все немного утихнет, – сказал он, – А будет ли мой рассказ полезен для тебя – решай сама.

Рассказ верзилы оказался действительно интересен не

только для Гаухар, но и для меня.

Глава 11

Стас – так звали пленника, приехал в эти края недавно для того, чтобы забрать домой брата – безнадежного наркомана, заплутавшего с азиатских степях. Он разыскал его недалеко от места тусовки местных наркоманов. Здесь можно было в любое время раздобыть дозу. Не отпугивала наркоманов даже высокая цена, доступность стала главным маркетинговым приемом местных дельцов. Обосновавшись здесь, более опытные наркоманы старались приобретать сырье впрок у крупных продавцов.

Стас пытался увести брата, но тот согласился уйти с условием солидного пополнения запасов наркотиков. Именно за этим они и отправились к стоянке овцеводов. С братьями увязался еще один наркоман в надежде получить дармовой наркотик.

В этом месте рассказа я насторожился: овцеводы, наркотики. Неужели мои гостеприимные хозяева были причастны к этому грязному бизнесу? Но перебивать рассказчика я не решился: может дальнейший рассказ прояснит эту историю.

Они были лишь в начале пути, когда в русле высохшей реки набрели на брошенный мною мотоцикл. Стас пытался его завести, но оставил попытки после того, как его спутники обнаружили мешок с порошком. Он понял, что мото-

цикл легко выведет владельцев криминального богатства на их след. А что эти владельцы обнаружатся быстро – сомневаться не приходилось.

Уговорить спутников бросить злосчастный мешок было невозможно. Они потеряли остатки разума от свалившегося на них счастья. Опьяненные и в прямом, и в переносном смысле, они все-же тронулись в путь. Часто останавливались, чтобы снова и снова употреблять смертоносный порошок. Мешок тащили по очереди оба наркомана, Стас отказался им помогать.

Только к вечеру троица подошла к шоссе. Брат Стаса, шатаясь и спотыкаясь, первым вышел на дорогу. Стас в это время пытался вытащить из какой-то канавы его упавшего друга и не заметил приближающейся полицейской машины. Все произошло очень быстро. Машина притормозила, фигура брата вместе с мешком исчезла в ее салоне. Удалось слышать только одну фразу, донесшуюся из открытого окна удаляющегося автомобиля:

– Еще один, будет чем отчитаться за дежурство!

Стас не решился бросить задержавшего его наркомана, он почти дотащил его до отделения полиции. Он еще надеялся вызволить брата.

В небольшом здании отделения полиции было довольно оживленно для столь раннего часа. Люди с озабоченными лицам и сновали из кабинета в кабинет. Дежурный полицейский стоял навтыжку с выпученными глазами в ожидании

возможных приказаний от невидимого начальства.

– Вы еще откуда? – заорал он при виде посетителей.

– Мы шли по трассе... – заплетающимся языком пробор-мотал наркоман, не обращая внимания на предупреждающий жест Стаса.

– По трассе?! – взревел дежурный, – А ну давай-ка сюда!

Он схватил Стаса за плечо и толкнул в открытую дверь решетки, отделяющей угол помещения. Вслед за ним влетел наркоман, посланный пинком полицейского.

Из-за решетки не было видно того, что происходит в участке. Но зато из обрывков доносившихся фраз можно было узнать много интересного.

Оказывается, на рассвете кто-то напал на полицейскую машину. Был застрелен полицейский офицер. А водителя зачем-то приковали к двери машины и перерезали горло. Также был убит наркоман, которого, видимо, везли в участок. Ни слова о мешке с наркотиками сказано не было.

Стас понял, что его брата уже нет в живых и надо думать лишь о том, как самому унести ноги. Он попытался объяснить своему спутнику, что надо держать язык за зубами и не стоит говорить о найденном мешке с порошком. Тот, кто присвоил этот мешок, не потерпит свидетелей. Главным аргументом убеждения послужило обещание Стаса достать дозу сразу после выхода из этого неудобного места.

Первым на допрос вызвали Стаса. Дежурный проводил его в кабинет. За столом сидел лысый толстяк в чине майо-

ра полиции. Он несколько секунд смотрел на арестованного немигающими водянистыми глазами. Потом начал задавать вопросы, не касаясь темы наркотиков.

Стас рассказал придуманную заранее правдоподобную историю о том, что он везет своего брата на лечение. При этом, не упоминая о своем реальном брате. Маловероятно, что майор ему поверил. Но из-за недостатка времени или, скорее всего, по давней привычке, он не стал анализировать детали и решил сразу использовать Стаса и его спутника в своей игре:

– Пойдете к одной бабе, припугнете ее и возьмете все деньги, которые найдете. Пора эту курицу поставить на место. Заодно узнаете: не остановился ли у нее водитель раздолбанной колымаги. Если найдете его там – получите премию от меня лично.

Стаса выпустили из полиции, снабдив ножом и адресом. Доходягу-наркомана даже не попытались допросить: просто выкинули его за ворота полицейского участка.

Участником дальнейших событий мне пришлось быть самому.

– Ты все рассказал? – сказала Гаухар, обращаясь к Стасу.

– Больше прибавить нечего, – ответил он.

– Ну ладно, оставайся пока, отдыхай. Тебе, действительно, не стоит показываться им на глаза. А мне надо все обдумать и заняться делами.

Глава 12

Женщина поднялась со стула и направилась к двери. Я последовал за ней.

Подойдя к моей двери, Гаухар остановилась.

– Не знаю твоих дел, но мне кажется, что тебе тоже следует подождать здесь более спокойных времен..

Потом, подумав, добавила:

– Предлагаю тебе поработать у меня. Хозяйство большое, мужских рук не хватает. Старик и раньше умел только двор подмести и печку натопить, а сейчас и с этим плохо справляется. Платить много не буду. Но крыша над головой и кусок хлеба – уже немало. Подумай до обеда. Второй раз не предложу.

Она, не оглядываясь, пошла в вестибюль.

Предложение Гаухар меня ошеломило своей простотой и своевременностью. Хотелось надеяться, что это – тот самый случай, указывающий дальнейшее направление. Пусть на короткое время, но это могло быть выходом из того тупика, в котором я оказался.

Долго не раздумывая, я устремился за хозяйкой. Я все же решил рассказать ей и о пропавших деньгах, и о своей причастности к истории Стаса, и о той ситуации, в которой я оказался.

Поднявшись в вестибюль, я увидел, что кемпинг не был

так уж безлюден. Из дальнего конца коридора появились четверо мужчин разного возраста. У двоих из них в руках были прозрачные пластиковые пакеты, сквозь которые просвечивало содержимое: чайные чашки, какое-то тряпье. Моей сумки при них не было. Это были водители и пассажиры трех машин, стоящих во дворе. Один из них – крепыш лет 50-ти, громко позвал хозяйку.

Гаухар появилась из длинного коридора первого этажа с горой скомканных простыней в руках. Из-за ее спины выглянула Гуля и скрылась за ближайшей дверью.

– Ты чего так раскричался? – спросила она, – Я не глухая.

– Это я-то раскричался? – со смехом ответил крепыш, – Это ты чуть свет здесь бушевала. Наверное, с дружкой что-то не поделила?

– А как же? Надо воспитывать. Вам только дай волю, – ответила Гаухар.

Крепыш бросил на стойку ресепшена ключи, за ним последовали и остальные. Мужчины вышли на улицу и через несколько минут о них напоминали лишь оседающие перед домом клубы пыли.

– Ну вот, теперь до вечера можно спокойно все привести в порядок, – сказала хозяйка и добавила: – А ты, я вижу, готов принять мое предложение? Тогда не будем терять времени.

– Да, но мне надо с тобой обсудить некоторые вопросы, – попытался возразить я.

– Все вопросы обсудим потом, – перебила женщина, – А

сейчас я тебе все покажу и расскажу.

В мои обязанности входила разная работа: прибить то, что отвалилось, отремонтировать то, что сломалось. А сломалось и отвалилось многое. Дверные ручки, розетки, плинтусы – все было прикреплено кое-как. Но главным объектом моей ответственности должен был стать бар. Такое гордое имя носила довольно большая комната с дополнительным отдельным входом в углу здания. По замыслу хозяйки здесь необходимо было наладить кормежку останавливающихся на ночлег водителей. Помощниками мне должны были стать Гуля и старик-дворник, который при необходимости жарил шашлык.

Здесь уже стояла кое-какая мебель: длинный узкий стол, заменяющий барную стойку, канцелярский стеллаж вдоль стены, 3 квадратных столика и несколько разномастных стульев. На дверном косяке красовалось меню, написанное от руки на тетрадном листке. Посетителям предлагалась яичница, лепешки, кумыс, пиво, яблочный сок и чай. Я вздохнул с облегчением: уж с этим-то ассортиментом я справлюсь без труда!

В маленькой подсобке стоял холодильник и стеллаж с несколькими коробками с какими-то консервами и выстроенными в ряд банками с маринованными огурцами и фруктовыми компотами.

– Я умею делать коктейль с шампанским, – пискнула откуда-то вынырнувшая Гуля, – Только их никто не покупает.

– Ты научись сначала посуду хорошо мыть. Коктейли ей подавай! – полушутливо одернула ее хозяйка.

– А продукты еще можно будет где-то купить? – задал я вполне профессиональный вопрос.

– Об этом не беспокойся. Подумай: что еще надо. Привезут, – ответила Гаухар.

Я не стал уточнять: кто привезет, когда и откуда и как они работали до сих пор. Видимо, имеется еще какой-то сотрудник. Вырисовывался настоящий концерн.

– В общем, если что непонятно – спрашивай. Но по пустякам старайся сам разобраться. У меня хлопот достаточно. Можешь начинать прямо сейчас, – сказала Гаухар.

Кроме утвари, имеющей отношение в закускойной, в левом от входа углу напротив окна красовался роскошный старинный шкаф, точно такой же, какой я видел в юрте овцеводов. Я был поражен: каким образом в этой глуши появилась уже вторая столь редкая вещь? Я не мог удержаться, чтобы сразу не начать осматривать его. С каждой секундой сомнений оставалось все меньше: это была та самая вещь, которую я видел позавчера.

– Он такой тяжелый! – раздался голос Гули, – вчера дядя Жанат с другом чуть не умерли, когда тащили его!

Внимательнее присмотревшись, я увидел, что на полу от двери тянутся полосы от ножек шкафа: его явно двигали совсем недавно. Стало понятно, что шкаф этот привезли только вчера. Это была одна и та же вещь. Но связь между овце-

водами и мотелем для меня пока была непонятна.

– Попросили продать, – объяснила Гаухар, – пусть люди смотрят. Мне не мешает, а в баре стало красиво. Думаю, что он долго стоять здесь будет – уж больно высокую цену они поставили. Местные не купят, а приедем трудно будет утащить такую машину.

Так началась моя карьера бармена. Впрочем, она оказалась не столь продолжительной. Но не буду забегать вперед.

Глава 13

К своим новым обязанностям я решил приступить немедленно. Главным консультантом у меня стала Гуля. Она носилась по дому, выполняя множество привычных дел. Попутно отвечала на мои вопросы. Так, я выяснил, что основные постояльцы здесь появляются по вечерам. Водители съезжают с трассы, чтобы переночевать и помыться. Прогнозировать их количество трудно, но опыт показывает, что среднее число постояльцев колеблется от 4 до 15. Бывают вечера, когда кемпинг переполнен. Но это бывает редко. Постояльцы в большинстве своем заглядывают в буфет – «бар», как называет его хозяйка. Покупают, в основном, пиво, сок и кумыс. Сюда же приходят и местные – пообщаться и послушать новости от проезжающих водителей.

Есть также постоянные жильцы, которые задерживаются здесь на несколько дней или приезжают часто. Сейчас в мо-

теле в дешевом двухместном номере уже вторую неделю живут двое мужчин, вчера приехал еще один, также ночевала одна девушка, которая останавливается здесь на одну ночь приблизительно раз в месяц. Эта категория гостей размещена на втором этаже, просыпается поздно, сегодня никто из них пока еще не спускался даже в туалет. Номера, которые занимают «постоянные» жильцы считаются здесь люксовыми потому, что в них установлены кондиционеры.

Я подошел к делу по хозяйски: осмотрел содержимое кофобок и холодильника, раздвинул столы, расставил стулья, приготовил посуду – вдруг нагрянут неожиданные гости, и пошел осматривать дом.

Сначала я поднялся на второй этаж. Здесь было всего 5 дверей. Два вели в двухместные номера. Ничего примечательного- обычная ночлежка с обшарпанными кроватями и столами. Гуля сказала, что в первую очередь заполняют эти номера, а лишь потом- номера пониже. 3 одноместных номера в глубине коридора считались элитными и были закрыты, в них заглянуть мне не удалось.

На первом этаже слева от ресепшена был уже знакомый мне длинный коридор с рядом дверей с правой стороны. Сначала мне показалось, что номеров много. Но, присмотревшись, я понял, что их 4, еще 2 двери скрывали единственные на весь дом туалет и душ. Правда, там стояли 4 унитаза и столько же душевых леек. По сути, это был общественный туалет и общественная душевая.

Оставалось выяснить: сколько еще номеров внизу? Кроме моего номера и номера в подвале, где был заперт верзил, должны существовать еще пара комнат: я помнил, что на моей двери была написана цифра «3».

Я вышел в вестибюль, намереваясь спуститься в подвал. Но тут мое внимание привлек шум во за окном. Я вышел на улицу. Солнцу еще было далеко до зенита, но лучи уже палили всю.

Во дворе стояла полицейская машина. Лысый толстяк что-то говорил хозяйке. По ее агрессивной реакции я понял, что это тот самый майор – Дедушка Макс, с которым у нее были какие-то давние счеты. Сначала мне показалось, что речь идет о чувствах майора к Гаухар, настолько маслянистым был его взгляд. Но, прислушавшись, я понял, что они разговаривают о каком-то денежном долге.

– Мало тебе проблем, – вполголоса говорил он, – Строишь из себя непонятно что. Если захочу, то хватит одного моего хлопка, и ты будешь раздавлена, как муха. Не забывай, что у тебя осталась всего лишь неделя, ты мне и так уже задолжала. Твой мотель еще существует лишь потому, что у меня до него руки не доходят и тебя – дуру, жалко.

– Ты приехал сюда жалеть меня? Спрашивай что надо и убирайся! – громко отвечала Гаухар.

Было видно, что подобный тон разговора был привычным, выработанным не за один день.

Я внимательнее присмотрелся к Гаухар, пытаюсь увидеть

ее глазами майора. На вид ей – около 40. Среднего роста, крепко сложенная женщина, при этом сохранившая легкость походки. Худощавое для ее комплекции лицо выдавало в ней наличие азиатской, но не местной крови. Она была по-своему хороша. Майор вполне мог испытывать к ней что-то вроде влечения.

– Я знаю, – говорил он, шлепая своими толстыми губами, что в мотеле ночью остановился водитель раздолбанной колымаги. Где он сейчас? Его подозревают в убийстве полицейских и наркомана.

– Тебя неправильно информировали, – отвечала Гаухар, – этой ночью ни одна машина, как назло, не доехала до мотеля. Работаю себе в убыток.

Увидев меня, полицейский собрался что-то сказать, но потом передумал.

– А куда ты дела утреннего гостя? – задал он еще один вопрос.

– Какого гостя? Мой отель, к сожалению, не пользуется таким большим спросом, как тебе кажется – ответила Гаухар с дежурной заученной интонацией, даже не пытаясь придать своей речи какое-либо выражение.

– Того самого, который нанес тебе визит вежливости рано утром вместе со своим хилым дружкой. Я знаю, что ты их не очень приветливо встретила. Ладно, хватит лирики. Надо получше рассмотреть твое хозяйство, – сказал майор, направляясь к мотелю.

– Ты собираешься устроить у меня обыск?– спросила Гаухар.

– Называй, как хочешь, но если мы найдем у тебя того, о ком я тебя спрашивал, пеняй на себя!

Полицейские направились к мотелю. Они шли впереди, за ним – Гаухар, следом плелась Гуля, до этого слушавшая весь диалог с открытым ртом. Казалось, что у этой девочки была способность быть одновременно сразу в нескольких местах. Я тоже незаметно присоединился к компании.

Проходя мимо старика, который продолжал возиться с дровами у навеса, я услышал шепот:

– Ты должен молчать, и должен забыть все.

Я остановился и вопросительно взглянул на старика. Но тот продолжал свое дело и, казалось, не обращал на меня никакого внимания.

Глава 14

Полицейские в сопровождении Гаухар и меня поднялись на второй этаж. Беглый осмотр пустых номеров не занял и трех минут. В двух номерах находились постояльцы.

Дедушка Макс кивком головы приказал Гаухар постучать в занятый номер.

Отреагировали на стук не сразу. Только после того, как хозяйка еще раз постучала, дверь приоткрылась, в образовавшейся щели показалось обрюзгшее заспанное лицо высо-

кого грузного мужчины лет пятидесяти пяти.

– Что случилось?– недовольно буркнул недовольно постоялец.

– Извините, Назим Васильевич. Наш главный полицейский хочет познакомиться со всеми постояльцами, – с приговорным подобострастием произнесла хозяйка.

– Мне просто приходится время от времени наводить порядок в этом мотеле. Дама сама не справляется, – майор кивнул в сторону Гаухар.

Постоялец смотрел на майора с выражением явного высокомерия. Его толстые губы искривила усмешка, от чего его лицо выглядело еще более надменным.

– Ну что, познакомились? – хмуро спросил мужчина после короткой паузы и захлопнул дверь.

Майор решительно схватился за дверную ручку, пытаясь снова открыть дверь. Он был явно взбешен неучтивостью гостя. Но хозяйка жестом предостерегла его:

– Он – иностранец, приехал вчера на машине с номерами столичной администрации. Не советую делать опрометчивых поступков,– сказала Гаухар.

– Что человеку со связями делать в такой дыре, как твой мотель?– майор в нерешительности убрал ладонь с дверной ручки.

– Вот сам у него и спросишь в более подходящее время, – ответила хозяйка и направилась к двери соседнего номера.

Майору явно не хотелось признаваться в поражении в

присутствии молоденького подчиненного, но осторожность взяла верх, и, поколебавшись, он направился к занятому двухместному номеру вслед за хозяйкой.

Дверь распахнулась еще до того, как Гаухар постучала. Казалось, что жильцы только и ждали этого визита. Двое мужчин лет сорока стояли перед открытой дверью. Один из них держал смартфон, другой – комкал в руках полотенце. За их спиной виднелось нагромождение огромных клетчатых сумок, которые так любят торговцы-челноки. Пирамида из сумок разделяла комнату на 2 половины, в каждой из которых находилось по кровати.

Объяснить желание постояльцев поселиться в двухместном номере можно было только отсутствием денег на оплату более приличного жилья или опасением за сохранность вещей

– О, полиция! – воскликнул один из них среднего роста начинающий лысеть плотный мужчина, – чем мы заслужили такое внимание?

Он мне чем-то напомнил Чичикова из старого телеспектакля. Длинное лицо с пухлыми щеками, неопределенная улыбка, которая может обозначать какие угодно чувства: от услужливости до пренебрежения.

– Предъявите документы, – потребовал майор. С этими жильцами он решил не церемониться.

Пока мужчины доставали из каких-то сумок паспорта, майор бегло окинул взглядом комнату, безуспешно пытаясь

обнаружить присутствие еще одного человека.

Первым протянул документы напарник «Чичикова» – маленького роста пухлый человечек с мелкими чертами лица. Недостаток роста он старался компенсировать излишне правильной осанкой: казалось, что его в позвоночник вставлен металлический штырь. Его маленькие губки были крепко сомкнуты, что придавало ему важный вид, который бывает у пупсов – игрушечных голышей, популярных в годы детства моей мамы.

– Беляков Илья Владимирович, – медленно прочитал майор, глядя в паспорт, – По какому делу Вы здесь?

– Коммерция, – коротко ответил человечек. Приходится самим разгребать то, что налепили ленивые подчиненные, – ответил он, как-бы дистанцируясь от всей убогой окружающей обстановки.

– Воронин Данил Анатольевич, – также протяжно майор прочитал фамилию протянувшего документ «Чичикова», – Что у вас в сумках?

– Кожа, шкуры: работяги не вывезли после выделки. Вот нам и пришлось пилить сюда и собирать по всему району. Еще будем здесь сидеть, как минимум неделю, – ответил «Чичиков».

Похоже было, что ситуация действительно его огорчает.

– А Вас что-то конкретное интересует? – задал вопрос «Пупс».

– Мне надо знать: кто приехал ночью в этот мотель, и где

он сейчас, – сказал майор с требовательными нотками в голосе.

– Можем твердо сказать, что сегодня была на редкость спокойная ночь, – сказал «Чичиков», – наши окна выходят на дорогу, если бы кто-то подъезжал, мы бы сразу услышали. Все было тихо, как в могиле – при этом он как-то игриво взглянул на Гаухар. Стало понятно, что до них донеслись звуки нашего утреннего сражения.

Майор даже не заметил ложь в словах Чичикова: их окна выходили не на дорогу, а на задний двор. Я тоже в тот момент не обратил на это внимание. Я не мог оторвать взгляд от левой руки постояльца: На предплечье красовалась точно такая же татуировка, как на руке убитого мотоциклиста.

– Ладно, давай смотреть дальше, – сказал майор, обращаясь к Гаухар.

Но не успели мы выйти из номера, как в нагрудном кармане майора зазвонил телефон. Дедушка Макс поднес телефон к уху, послушал несколько секунд. Затем, не говоря ни слова, пошел к лестнице, на ходу бросив помощнику:

– Возвращаемся в отделение!

– Проводи их, – быстро сказала Гаухар, – Убедись, что они действительно уехали.

Я бросился на улицу вслед за полицейскими и увидел, что они уже садятся в машину. Загудел мотор и автомобиль, сделав круг по двору, вырулил мимо указателя на дорогу. Я только сейчас обратил внимание на эту фанерную табличку,

закрепленную на деревянном столбике. На ней было написано название мотеля и его адрес. Что-то заставило меня подойти к ней поближе. Потрясенный я уставился на неровные буквы. На табличке было написано то же название мотеля и тот самый адрес, который мне назвал овцевод, похороненный мною в устье высохшей реки!

Глава 15

Я вернулся в дом. От проснувшегося было оптимизма не осталось и следа. Стало очевидно, что спокойно переждать, отсидеться здесь будет невозможно.

Тревожные мысли замелькали в голове. Погибший наркоторговец назвал этот адрес, значит именно в мотель ведут нити грязного бизнеса. Замешана ли хозяйка в этом деле? Может этим объясняется ее борьба с Дедушкой Максом? Может честный полицейский что-то подозревает и действительно старается вывести преступников на чистую воду? И эта загадочная фраза старика: я был уверен, что она мне не послышалась.

Снова передо мной возникла задача, способов решения которой я не знал.

Оставшуюся часть дня я с усердием занимался обустройством бара: это дело отвлекало и не давало возможности размышлять о безвыходности ситуации, в которую я влип.

Я расставил мебель, приготовил посуду, составил меню.

Оно получалось довольно разнообразным. Кром яичницы и шашлыка можно было предлагать пиццу и спагетти (пригодился опыт дядюшкиных званных обедов). Благо, что среди инвентаря буфета удалось найти электрическую духовку и пару электроплиток. Ингредиенты для новых блюд согласилась готовить Гуля.

Эта девочка оказалась смышленной и расторопной. Кроме того, она обладала покладистым нравом, что делало ее незаменимой помощницей. Вдвоем мы не только навели порядок в буфете, но и приготовили тесто для пиццы: в морозилке оно сохранится и его хватит на пару-тройку дней. Я заметил, что приготовление теста располагает к беседе. Вернее, наше общение больше походило на интервью: я задавал вопросы, Гуля послушно отвечала.

– В каком классе ты учишься? – начал я.

– Перешла в седьмой, – ответила девочка.

– Ты еще маленькая, а так много умеешь делать. Как это твоя мама умудрилась всему тебя научить?

– А у меня нет мамы, она умерла, когда я была еще маленькая, я ее совсем не помню, – сказала Гуля без ожидаемой печали и грусти. Видимо, она привыкла к таким вопросам и с своему нынешнему положению.

– А с кем же ты живешь? – спросил я.

– Да вон он – дедушка Рахим, – сказала Гуля, указывая пальцем, испачканном в муке, за окно, где возился дворник, – Только он – не мой родной дедушка. Мой родной де-

душка давно умер.

Я не стал дальше развивать эту тему. Меня удивило, что в этих краях, где родовые связи и любовь к детям ставятся выше других качеств, ребенок не живет со своими родственниками.

С мыслями о том, что везде есть свои загадки, я перевел разговор в плоскость наших сиюминутных общих хозяйственных вопросов.

Я написал на листке бумаги список продуктов, которые надо привезти и попросил Гулю отнести его хозяйке. Сам же вышел на улицу, чтобы поговорить с дворником: завтра, когда буфет заработает, могла понадобиться его помощь в приготовлении шашлыка.

Старик что-то складывал под навесом. Он уже готовил дрова для мангала. Похоже, что дворник не уступал Гуле в сообразительности и расторопности.

– Люди уже знают, что буфет будет работать, уже скоро придет человек 6-7 из местных. Еще и водители подъедут. Я пожарю шашлык, а ты пиво поставь в холодильник – сказал он, не прерывая своих приготовлений.

– А может нам вынести пару столиков на улицу и разместить здесь курящих посетителей? – спросил я.

Я всеми силами старался найти все новые и новые дела, чтобы не оставалось времени на размышления. Мне не хотелось думать о том, как распутать клубок опутавших меня проблем.

Я вынес 2 столика из комнаты и поставил их перед окном, чтобы в случае необходимости общаться с клиентами через оконный проем. Стульев было маловато. Я вспомнил, что когда мы с хозяйкой вели верзилу в подвал, в темноте виднелось кресло-качалка. Возможно, что там найдется еще что-нибудь подходящее для нового формата работы буфета. У меня оставалось немного времени, я решил использовать его для обследования подвала и направился в дом.

После яркого дневного света в подвале было особенно темно. Я начал шарить по стене в поисках выключателя: в прошлый раз хозяйка включила свет сразу после схода с нижней ступеньки. Действительно, выключатель оказался довольно высоко справа.

Кресло-качалка стояло на прежнем месте. Насколько оно пригодно для использования можно было определить только вытащив его из подвала. Для этого предстояло расчистить его и проход от других вещей, которые были просто свалены в кучи. Рассматривать внимательно каждую вещь не было времени. Я решил кроме кресла взять только большую фарфоровую вазу с обитым краем. Все остальные вещи я стал складывать в левом углу, чтобы потом рассортировать их, что-то выбросить, а что-то использовать для украшения и обустройства мотеля. Я удивился еще раз: как в такой глуши оказалось столько странных для этой местности вещей?

Я уже почти закончил работу, когда из комнаты, в которой был заперт верзила, донесся странный звук. Это было что-

то вроде постукивания, но совсем не похоже на шумы, которые обычно встречаются в мотелях. Мне стало немного не по себе.

– Скоро окончательно стану неврастеником, мои нервы начали реагировать на любой раздражитель, – подумал я, – Скорее всего, верзила решил что-то отремонтировать в своей комнате, не стоит обращать на это внимание.

Я взял кресло и начал двигать его к ступенькам, чтобы вынести его из подвала. Но тут в запертой комнате раздался какой-то шаркающий звук, как будто что-то тяжелое сползло по стене. Я испугался за верзилу и подошел к двери: вдруг это упал он, а помочь ему некому.

Я постучал и спросил:

– У тебя порядке, помощь не нужна? – ответа не последовало.

Я машинально прикоснулся к ручке. К моему удивлению, дверь со скрипом стала медленно открываться.

Внутри комнаты было темно, только слабый свет из открытой двери проникал внутрь. Я шагнул в комнату, обвел ее взглядом: верзилы не было видно. Кровать аккуратно заправлена, на столе стопочкой сложены книги. Казалось, что здесь никто не жил минимум несколько дней. Возможно, хозяйка выпустила пленника. Но что же тогда было источником звуков, привлечших мое внимание?

Я услышал шорох за спиной и обернулся. За приоткрытой дверью стоял человек и молча смотрел на меня. Это не был

верзила, рост этого человека был чуть ниже среднего, лицо его скрывалось в тени. Только светло-голубые глаза выделялись на темном лице.

Я сделал шаг к двери, но она передо стала медленно закрываться и вскоре совсем захлопнулась. Мы с незнакомцем оказались запертым внутри номера в кромешной темноте. Я слышал его шаги и знал, что он идет ко мне. Я пытался вспомнить детали обстановки комнаты, чтобы схватить хоть какой-то предмет для обороны, но ничего подходящего моя память не предложила. Я стал медленно отступать назад, стараясь не шуметь.

Незнакомец подходил все ближе, я уже слышал его дыхание. И тут до меня донесся его шепот:

– Ты – мой следующий пациент.

В следующую секунду я почувствовал укол где-то в районе бедра, и мир с его страхами и опасностями перестал существовать.

Глава 16

Но, как оказалось, в этой игре у меня еще оставалась как минимум одна жизнь и вернул меня к ней голос Гаухар. Она стояла на коленях перед моим распростертым телом, похлопывала меня по щекам и повторяла:

– Очнись, очнись!

Я открыл глаза. Ни боли, ни тошноты не ощущалось.

Только небольшая сонливость мешала немедленно вскочить на ноги. Кроме меня и хозяйки в комнате никого не было.

– Где этот мужчина?– спросил я

– Ты говоришь об Стасе – бандите, которы напал на меня утром? Так я его еще в обед отправила в путь, подальше отсюда. Как чувствовала, что Дедушка Макс заявится. На сей раз этот толстяк до подвала не добрался, но в следующий раз он обшарит весь дом,– Гаухар взмахнула рукой. Этот жест, видимо, должен был означить отношение к недобрым намерения полицейского и уверенность в том, что у него все-равно ничего не получится.

– Нет, здесь был другой человек, я его раньше не встречал, – с трудом шевеля языком, сказал я.

Гаухар с сочувствием посмотрела на меня:

– Ты сегодня переволновался и перетрудился. Никого здесь не было и быть не могло. Поднимайся и иди в свою комнату, отлежись. Сегодня я сама поработаю в баре. Тем более, что людей будет мало: еще не все знают, что бар снова начал работать.

Хозяйка заботливо обхватила мои плечи и, поддерживая мою спину, помогла встать на ноги.

Я оглядел комнату: все было так же, как и в ту минуту, когда я перешагнул порог этого подвала. Я начал сомневаться в реальности произошедшего: возможно, мое сознание не смогло воспринять такое количество произошедших за короткое время событий, и я начинаю сходить с ума.

Все вещи были на тех же местах: книги, посуда, табуреты, корыто и лейка в углу. И все же что-то в обстановке вызывало дискомфорт. Так ощущение возникает, когда чувствуешь, что что-то делаешь не так, а что именно – не понимаешь.

Гаухар повела меня к выходу, поддерживая за талию. Я отстранился:

– Мне уже лучше, спасибо за помощь.

Если бы я мог доверять ей, то я бы не оставил попыток убедить ее в реальности произошедшего со мной. Но нельзя было исключить того, что, ее появление здесь как-то связано с действиями неизвестного «врача», ожидающего в темноте случайных пациентов.

Мы подошли к двери, Гаухар щелкнула выключателем.

В долю секунды между щелчком выключателя и тем, как погас свет, зрение успело зацепить то, что до сих пор не давало мне покоя.

Лейка! Почему она стоит на полу? Хотя я был готов поклясться, что на ее месте на веревке под потолком что-то висело.

Я оттолкнул придерживающую меня Гаухар и бросился к выключателю. Вспыхнувший свет снова осветил комнату, и я увидел висящую под потолком на месте лейки пропавшую из моего номера болоньевую сумку с деньгами!

В эту минуту меня не волновало: причастна ли хозяйка к этой криминальной истории, или она, как и я, случайно оказалась на этом опасном пути. Мною руководило единствен-

ное желание: скорее вырваться из поглощавшего меня болота тревоги и неизвестности.

Я влез на табурет и легко снял сумку: ее ручки были зацеплены за крюк, привязанный к концу веревки. Пачки банкнот по-прежнему складировались до самого верха.

Я взглянул на Гаухар. Не оставалось сомнений, что эта находка ошеломила ее. Глаза женщины были широко раскрыты, ее лицо застыло в гримасе изумления. Казалось, что она вот-вот потеряет сознание. Мы были готовы поменяться местами: теперь я готовился откачивать ее.

– Что это? Откуда? – только и смогла произнести она.

– Эту сумку привез я, – услышала она в ответ.

Стараясь быть как можно более кратким, я в нескольких фразах изложил ей историю пропажи денег из моего номера. О том, как сумка оказалась у меня, я решил пока не рассказывать. Я сказал, что нашел ее около брошенного мотоцикла.

Хозяйка слушала внимательно. Я в очередной раз отметил ее поразительную способность не терять самообладание в самых неожиданных ситуациях.

– Что ты собираешься делать с этими деньгами? – спросила Гаухар.

– Я бы с удовольствием забыл об их существовании, лишь бы меня оставили в покое. Я совершил ошибку, взяв их. Надо было оставить их там же вместе

Я хотел сказать: «вместе с наркотиками», но договорить не успел. Окончание фразы совпало с грохотом в тамбуре

перед номером: кто-то массивный стремглав бросился к выходу из тамбура, сшибая на пути вытащенные мною из общей кучи предметы.

Выбежав из номера, мы только и успели заметить спину убегающего мужчины. Путь нам преграждало бешено раскачивающееся кресло-качалка.

Глава 17

Тот, кто напал на меня, все это время прятался в тамбуре подвала и слышал весь мой рассказ. Но это ничего не меняло в обстоятельствах моей дальнейшей жизни. Похитители сумки явно имели отношение к происхождению этих денег и знали, что они у меня. Иначе кому бы пришло в голову выслеживать ничем не примечательного путешественника. Да и адрес, который назвал погибший овцевод совпадал с адресом мотеля. Получается, что я случайно доставил сумку по назначению, и меня здесь ждали.

И тут меня пронзила мысль: а случайно ли я попал сюда? Уж больно невероятным казалось такое совпадение. Привез меня сюда Николай. Возможно, он как-то причастен к этой истории. Надо выяснить где он сейчас. Гаухар куда-то его увела, чтобы спрятать его колымагу от Дедушки Макса. Возможно, она и является центральной фигурой этого криминального сообщества, а Дедушка Макс – честный полицейский, выполняющий свою работу.

Я решил при следующем визите полицейского поговорить с ним.

Сумку с деньгами я отдам Гаухар – пусть делает с ними все, что посчитает нужным. Главное – сделать так, чтобы я перестал быть приманкой.

С такими мыслями я отправился в свою комнату.

Поднимаясь по ступенькам, меня не оставляло чувство, что кто-то внимательно наблюдает за каждым моим движением. Но я уже не обращал на это внимание.

Голова все-же немного кружилась. Но с избавлением от этой злосчастной сумки появилось даже ощущение легкости.

Дверь в свой номер я не закрыл; ключ оставил в замочной скважине. После пропажи сумки мой скромный скарб навряд ли кого-то мог заинтересовать. Все, что представляло для меня ценность, я носил в своих многочисленных карманах.

Я упал на кровать и мгновенно заснул: организм включал защитную реакцию.

Проснулся я так же внезапно, как и уснул. Спал я, видимо, недолго: через окно проникал вечерний свет, сумерки только начинали сгущаться.

На табурете рядом с моей кроватью сидел мужчина.

Моей первой реакцией было желание резко ударить его ногой и выбежать из номера. Но я быстро сообразил, что если бы у него были дурные намерения, то он мог бы придумать меня подушкой или легко расправиться другим спосо-

бом пока я спал.

Не глядя на незваного гостя, я медленно спустил ноги с кровати. Мои колени почти касались коленей незнакомца.

– Ну, здравствуй! Ты меня уже не узнаешь? – произнес он.

Голос показался мне знакомым. Я взглянул ему в лицо.

– Николай! – воскликнул я, испытав небывалое облегчение.

Передо мной сидел водитель ночного «такси», который привез меня сюда прошлой ночью.

– Ты откуда взялся? – спросил я его, забыв, что в дороге называл его на Вы.

– Меня спрятала Гаухар. Ты же слышал, что меня ищут. Хотят повесить на меня расправу над полицейскими и наркоманом. Водителю, которого мы оставили прикованным к двери машины, кто-то перерезал глотку. Исчезла и наркота. Я подумал: не связано ли это все с теми деньгами, которые ты привез сюда? Ничего не хочешь рассказать?

После долгой паузы я сказал:

– Я тебе все расскажу, только ответь на один вопрос: ты случайно меня подобрал на дороге?

– Не совсем, – ответил Николай.

Он рассказал, что перед встречей со мной он остановился на заправке. Заправка была последней перед городом и поэтому здесь останавливались практически все машины. Бензин здесь был чуть дешевле, чем в городе. Да и до города было далековато – бензина могло не хватить. Поэтому каждый

водитель набирал полный бак или канистру.

Когда он расплачивался за бензин, кассирша сказала:

– Я тебя хочу попросить об одном одолжении. На трассе ты можешь встретить молодого человека. Это – сын моей подруги. Отвези его в мотель. Только не говори ему, что я об этом тебя попросила. Он очень хочет быть самостоятельным и не терпит, когда ему мешают.

– Она мне даже скидку сделала. Я слышал, что о том же кассирша просила и других водителей. Поэтому можно сказать, что ты оказался здесь неслучайно. Случайно то, что именно я тебя подвез. Любой другой водитель сделал бы то же самое, – сказал Николай.

Я был озадачен. Кто-то внимательно следил за мной и заставлял действовать по собственному сценарию. Необходимо было как можно скорее вырваться из этого таинственного и опасного круга.

Доверять ли Николаю? Передо мной уже не стояло такого вопроса. У меня просто не было выбора. На кого-то надо было опереться. Я знал, что без посторонней помощи я отсюда не вырвусь.

Я рассказал Николаю все, начиная от момента приземления самолета в этой стране и до недавнего происшествия с сумкой.

Николай слушал внимательно, потом сказал:

– Я тебя вывезу отсюда. Ночью моя колымага не привлечет внимания. Сейчас пойдем к хозяйке, надо взять ключи от

сарая – там она прячет мою машину.

Николай встал с табурета, сделал два шага до двери, потянул ее к себе. Дверь не поддавалась: она была заперта, хотя ключ торчал с ее внутренней стороны. Николай попытался повернуть ключ. Замок не был закрыт. Видимо, дверь каким-то образом заблокировали снаружи.

Николай поднял ногу, намереваясь выбить довольно хлипкую дверь.

И тут я замер от неожиданности: в щель из-под двери ползли пауки. Их было больше десятка. Нельзя сказать, что вид их вызывал особое отвращение. Небольшого размера – меньше двух сантиметров, кругленькие с яркими красными с белой каемкой пятнами на спине и длинными ножками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.